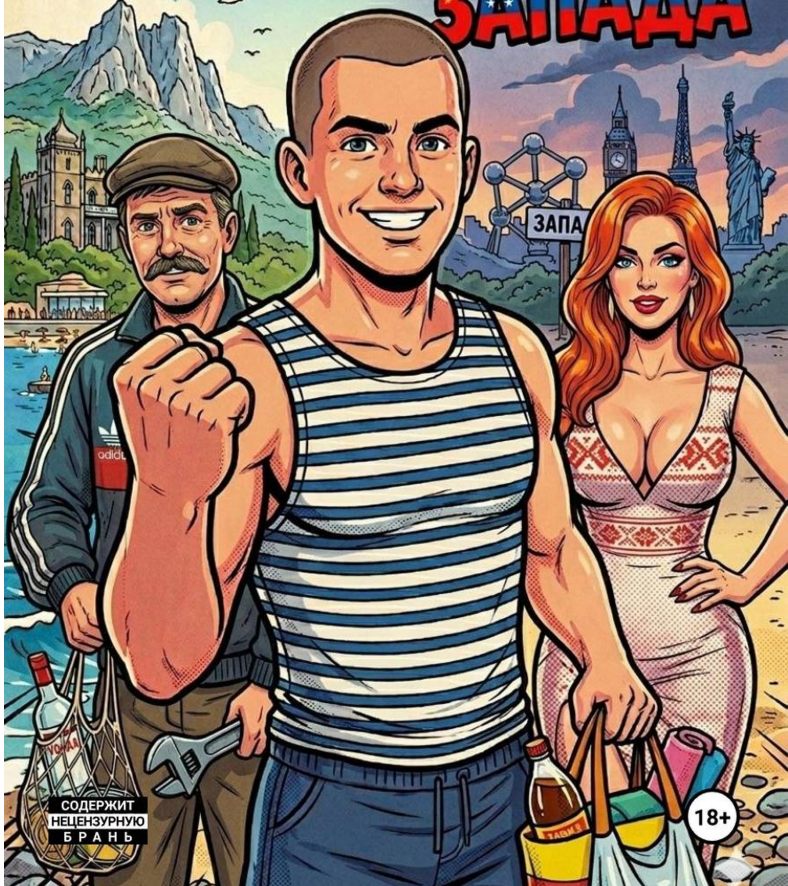

ВАСЯ ИЗ АЛУПКИ

ПРОТИВ

ЗАПАДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

18+

Касьян Нави

Вася из Алушки против Запада

<https://litres.ru/74137429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вася шутить не станет. Теперь Вася супер агент. Или агент тайный. Или спец агент. Какая, собственно, разница? Когда Родина в опасности, а одолеть треклятый Запад по силам только настоящему герою. Его зовут Вася. Вася из Алушки.

Содержание

Глава 1	4
Часть первая. Вася из Алупки и Тайны Брюссельского Двора	4
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	80
Глава 8	94
Глава 9	114
Глава 10	129
Глава 11	146
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Касьян Нави Вася из Алупки против Запада

Глава 1

Часть первая. Вася из Алупки и Тайны Брюссельского Двора

Мозгами Вася не обладал. Звёзд с неба не хватал точно. По той хотя бы причине, что считал их светильниками, прикреплёнными к куполу плоской земли. Но тупым Вася не был совершенно. Эту нишу давно застолбил за собой Запад. И Вася об этом знал.

Запад вообще занимал в жизни Васи место особое. Его нужно было ненавидеть. А ненависть — штука выматывающая. Мало того, что отнимала львиную долю времени, так еще и энергии требовала сколько. Приходилось всё это восполнять. Можно было, конечно, заправляться сникерсами всякими. Реклама ж не зря так часто призывает «не тормозить». Вот только Васю этими штучками не провести было.

Что ж он, не понимал, что ли? Все эти сникерсы тоже с Запада пришли. Стало быть, и их ненавидеть надобно было. Вот и приходилось силы восполнять продуктом вполне «нашинским» — еще так удобно на каждом углу разливаемом.

Хотя, по правде-то говоря, Вася не всегда ненавидел Запад. Путь этот был не сиюминутным. Как и все, Вася сначала Запад уважал. Как партнёра. Немного завидовал. Там же и машины, там же и дороги, супермаркеты там все эти. Девки, в конце-то концов, там куда краше местной фауны будут. Только вслух о последнем Вася предусмотрительно не говорил. Может, у них там на Западе девки и краше, зато рука тяжелее точно у наших будет.

Потом Васю Запад расстраивать начал. Поломался он — Запад. В чём конкретно — сказать было сложно. Вот только Вася абсолютно был уверен, что Запад его расстраивает. Даже немного... огорчает.

А потом всё стало понятно. Запад прогнул. Да так основательно, что Вася уже держать в себе эмоции не мог. Где ж это видано?! Что именно надо было где-то видеть, Вася тоже не знал. Но ему так сильно всё понятно стало, что Вася научился креститься при виде церквей, безбожно путая храмы, мечети и синагоги. А также плевать при виде радуги.

— Ты видал? — Вася хлопнул Романыча по спине так, что тот невольно выплюнул кардиостимулятор. — Ты видал чего эти, а?

Романыч не понимающе уставился на собеседника свое-

го, всем видом своим показывая, что он ни хренашеньки не понимает, однако, возмущение разделяет целиком и полностью.

— А я сразу знал! — решил все карты на стол выложить Вася. — Да! Да-да-да! Мне было сразу всё понятно. Я ж не дурак.

Романыч тут же закивал головой, авторитетно подтверждая, что Вася мог быть кем угодно, но точно не дураком.

— Я вот чего решил, Романыч, — тон Васи стал на несколько децибел тише, и стёкла в гараже дребезжать практически перестали, — поеду я в эту Францию. Ага. А чего? Прямым в Брюссель. Они чего там думают себе? Что им так всё с рук сойдёт? Жалеем мы их. А зря, Романыч. Говорю тебе — зря. Я жалеть не стану. Они меня... Вот!

И Вася продемонстрировал Романычу свой увесистый кулак с вытатуированными на костяшках буквами «В», «А», «С», «Я».

Вообще, Васе было немногим за тридцать. Мама им гордилась. Папа с ним пить не брезговал. В фонтан Вася сигал первым. Как правильно в хату входить знал. Потому-то Васю и удивило до крайности, что его — такого-то молодца — к Главному не пустили. Обидно было немного. Не без этого. Столько лететь из Алупки в Москву, чтобы тебя мордой да о Красную площадь. Одно радовало — он не первым мордой вниз упал. Трое молоденьких успели отхватить Васькиного кулака, прежде чем его числом взяли.

— А я даже горжусь, — он ткнул локтем какого-то задохлика в камере, куда его определили. — Что смогли скрутить. Молодцы. Не зря свой хлеб кушают. А то так, знаешь, кого попало пропустить можно. А оно нам зачем? Чтобы кто куда попало шастал. Это еще надо понять, кто именно? Но самое-то главное — куда? Молодцы. Точно молодцы.

Вася смачно сплюнул немного еще кровавую слюну. От чего задохлик слегка поморщился и даже отодвинулся от Васи.

— Не бойсь, — правильно расценил реакцию соседа Вася. — Солдат ребёнка не обидит. Тебя за что? Хотя, не отвечай. За дело, ясное дело. Другой раз башкой думать будешь.

Вася собирался уже разродиться самой умной и поучительной из всех своих речей, как ему помешали. Впрочем, так происходило всякий раз, стоило Васе собраться произнести что-то умное.

— Который из вас в Кремль ломился? — неприлично ухоженный мужчина в вероятно невероятно дорогом костюме оглядел Васю и его сокамерника и верно остановил взгляд на Васе. — Как зовут?

— Вася, — вполне конкретно ответил он на вопрос.

— Чего «Вася»? — не унимался мужчина.

— Вася из Алупки, — как-то стушевался Вася, но тут же подтянулся. — Из Алупки я.

— Да я вижу, — хмыкнул этот неприлично ухоженный и обратился куда-то за пределы видимости глаз Васи. — Этого

отпустить. И ко мне. Все вещи вернуть.

До кабинета этого мужчины Васю провожали почётным караулом. Они про себя его называли конвоем, но Вася-то прекрасно знал истину. У самих дверей караул нерешительно постучал, решительно дёрнул за ручку, Васю толкнул внутрь и убежал. И тут Вася понял, что этот неприлично ухоженный мужчина занимает неприлично высокий пост.

— Ну проходи, Вася из Алупки, — Важный Господин, как окрестил его про себя Вася, жестом указал на стул. — Садись.

— А я постою, — решительно заявил Вася. — Сесть всегда успею.

— В этом можешь даже не сомневаться. Впрочем, если тебе так удобно, стой. Я не имею ничего против.

Важный Господин некоторое время еще листал какую-то папку перед собой, периодически прицокивая и покачивая головой. Порой и вовсе бросал взгляды, полные удивления. И бросал их никуда не попадая, а напрямиком в Васю. Отчего Васе становилось несколько неловко.

— Занятно, — подытожил Важный Господин. — Чего же ты хотел в Кремле?

— Так это, — во рту у Васи пересохло, но он быстро взял себя в руки и губы смочил языком. — К Главному хотел.

— Да что ты? И по какой такой причине?

— Так это... Чтоб скандала не получилось.

Важный Господин отчего-то усмехнулся и даже крякнул

в кулак.

— Какого, прости, скандала?

— Международного, — Вася стал серьёзнее некуда. — Я сначала сам хотел. Чтоб не тревожить, значит. Но Романыч правильно молчал. Надо Главного предупредить. Чтоб самодеятельности какой не получилось. Он же сам из этих...

Вася многозначительно указал пальцем вверх.

— Он точно знает, как нужно.

Важный Господин еще немного помолчал. Оно и понятно. Дело серьёзное. В таких делах чем дольше молчишь, тем умнее выглядишь.

— Главный уже в курсе всего, Вася из Алупки, — наконец быстро выговорил он.

— Как? — удивился Вася.

— А ты как хотел? — Важный Человек медленно вытянул указательный палец и указал им вверх. — Из этих же.

Вася закивал. Ну как же так? Опростоволосился перед таким человеком. Но всем видом своим Вася показал, что ошибку свою признаёт и впредь будет куда внимательнее.

— И? Ну? То есть, я это... Чё делать надо? — выпалил Вася.

— А ты чего, собственно, делать собирался? — Важный Человек так укоризненно посмотрел на Васю, что тому стыдно стало, но Важный Человек продолжил. — Главный добро даёт. Действовать можешь по своему усмотрению. Если попадешься — вызволять тебя никто не станет. Сам пони-

маешь, нам сейчас скандалы ни к чему. Расходы тебе возместят, но по факту исполнения задачи и твоего возвращения из вражеского стана. Вопросы имеются?

— Никак нет! — отрапортовал Вася.

— Свободен, солдат. Родина рассчитывает на тебя.

И Вася вышел из кабинета полный не только гордости, но и решимости. Теперь-то он покажет. Теперь-то заживём. Что конкретно показывать Вася сам не до конца понимал. Но это дело второе. Сейчас важно было доказать необразованной билетёрше, что Васе именно во Францию нужно, а не в Бельгии всякие.

Глава 2

— Неправильно ты, копченый, рассуждаешь! — Вася начинал уже нервничать.

Битый час он пытался доказать некоему Люсьену, что Данила Багров будет стократ круче всяких там Брюсов Уиллисов. И если Шварценеггера уважать еще можно — он всё же и на Марс летал, и в Красной Армии служил. То Сталлоне никакого прощения быть не может за избиение нашего боксёра.

Люсьен, в меру своей воспитанности, кивал и соглашался. Пусть и понятия не имел о том, кто такой этот Данила. Как не понимал и того, чего вообще нужно странному мужчине в полосатой майке и его коллеге.

Коллегой, разумеется, был Романыч. Как ни пытался он мотать головой, как ни цеплялся за дверной косяк — Вася давно всё решил за Романыча. Как решил и то, что оба билета оплачены будут из сбережений Романыча. Вася денег не хранил. Его философия была проста: заработал — трать. И Вася тратил.

— Ты тут не суетись, красавица, — Вася хлопнул по плечу бортпроводницу, которая в очередной раз пыталась объяснить пассажиру, что нельзя вот так расхаживать по борту и досаждать остальным.

Вася же быстро переключил своё внимание с девушки об-

ратно на Люсьена.

— Вот ты, значит, из Африки сбежал, — сделал вывод Вася. — Я не осуждаю, ты не подумай. Там у вас беда. Львы, пустыни, гиены эти всякие. Спать на песке неудобно, и бабы, опять-таки, страшные. С этими костями в носу. Так, Романыч?

Романыч с полной готовностью закивал. Он бы еще добавил, что все они там в племенах своих белья не носят, и про гигиену упомянуть — но смолчал.

— А вот те, кто из нормальных стран уезжают, — продолжал Вася, — вот их не понимаю. Они ж Родину свою предадут. Как они потом мне в глаза смотреть собираются?

Люсьен по интонации и взгляду Васи понимал, что тот ждёт ответа. Проблема состояла в том, что Люсьен крайне слабо понимал собеседника. Именно так. Ведь русским он владел относительно неплохо. Изъясняться мог. Но Васины речи смыслом своим от него ускользали.

Романыч, будучи человеком, сведущим в подобного рода затыках, поспешил на помощь своему соседу по гаражу и верному товарищу. Рецепт взаимопонимания и Великой Русской Мудрости открывался всякому — будь ты чернее древесного угля или желтее лимона — сакральные «сто грамм».

— Едрёна! — чуть не выругался Вася, но вовремя вспомнил о приличиях. — Ты как это протащить сумел?

Романыч, гордо сжимающий бутылевич «Пшеничной»,

пожал плечами и хитро прищурился. Всем этим видом Романыч ясно давал понять, что некоторые тайны так и останутся нераскрытыми.

Вася же уже отворачивал пробку «священного эликсира дружбы без границ».

— Ты, Люсь, не бойсь, — приговаривал Вася, разжимая челюсть перепуганного бельгийца. — Я ж тебе помочь хочу.

Самолёт с замиранием сердца наблюдал за добровольно-принудительной беседой между странными русскими и несчастным Люсьеном. Кто грозил полицией. Иные призывали дать бой хулиганам. Третьи старались не обращать внимания. Ни один не собирался вмешиваться.

До конца маршрута оставалось совсем немного. Крылатый транспорт нёс оружие массового поражения в лице Васи из Алупки где-то над землями Германии. И каждая из оставшихся минут казалась пассажирам борта нескончаемой мукой.

— Молодца, Люська! — Вася смачно наградил шлепком увесистой ладони промеж лопаток бельгийца. — А говорил, слов не знает.

Исполнивший «Катюшу» без запинки и точно в ноты Люсьен встал и поклонился во все стороны. Тошнота, конечно, подкатывала при резких движениях. Но русскому человеку тошнота для питья не помеха. А Люсьен, или Люся, был человеком от затылка до пят русским. По крайней мере, так постановил Вася. А Вася врать не станет.

— Как проблемы с братом решишь, — Вася состыковал свой brutальный лоб с взмокшим темным лбом Люсьена, — сразу в Алупку. Ты меня понял? Отмоем тебя. Приоденем как мужика. Есть там у меня на примете одна. Как раз для тебя подойдёт. Уговор.

— Без балды, Вася, — практически без акцента отчеканил Люсьен и вырубился окончательно.

— Ничего, Романыч, — Вася поднялся, нежно уложил «почти русского бельгийца» обратно в кресло и заботливо пристегнул. — Научится еще. И ты не сразу пить научился, а? Помнишь? А?

Вася звонко рассмеялся, а Романыч залился багровой краской.

— И я помню, Романыч. Это мне подфартило. Мне с молоком матери родимая поступала. С младенчества закалялся, так сказать. А этот, — Вася потрепал кучерявую голову Люсьена, — выйдет еще человек из него.

Романыч авторитетно кивнул. Что-что, а человека водка сделать может даже из обезьяны. Уж Романыч-то в этом толк знал. Лично видел, как однажды водка из жутко страшной Тamarки с соседнего подъезда едва ли не Шарлиз Терон сделала. Магия к утру, правда, развеялась. Но факт фактом остаётся.

— Пойдём, напарник, — Вася посмотрел на умоляющую пристегнуть ремни надпись. — Скоро на место прибудем.

И ведь прибыли. Бортпроводницы рыдали от счастья. Пи-

лоты начали целоваться взапас. Две дамы пуританского вида соизволили непорочно зачать. Абсолютно все были счастливы.

Васю сие представление порадовало. Если люди так счастливы по прибытию в страну, значит, не всё с этой страной потеряно. Можно еще вернуть её в стан порядочных. И именно для этого Вася сюда и прилетел.

А вот таможенный контроль Васю совершенно разочаровал. Это ж надо было настолько охаметь, так пасть в гниении своём — что Васю, едва взглянув в заграник, спокойно отпустить. Вася даже сразу и не понял, когда ему вернули документы и что-то там на тарабарском своём произнесли.

— Это чё это? — нахмурился Вася и грозно так наклонился к окошку. — Уважаемый, я тут что? Идти могу?

Настала очередь сотрудника таможенного контроля удивляться. Перво-наперво, он понятия не имел, что нужно от него этому русу. Как-то не обучали в Брюсселе русскому языку. И совершенно зря. Теперь это понимал не только Вася, но и сотрудник таможенного контроля. Во-вторых, крайне редки были случаи, что прибывший добровольно задерживался у окошка. Одно дело — спросить чего. В таких случаях и интонацией, и выражением лица прибывший излучал подобострастие. Такое нравилось всякому сотруднику.

Но тут же. Вася ничего подобного не излучал. Вася в гневе был. Да в гневе праведном. И сотрудник это прекрасно ощущал. Каким-то шестым чувством. Чувством самосохранения.

нения.

— Нё рётнэ па ля филь. Авансэ. Сэ бон, ву пувэ зи алэ,
— замурыкал он, глядя в лицо побагровевшего Васи.

— Чё ты лечишь?! — рывкнул Вася. — Авансэ. Какие еще авансы? Получка сегодня? Или... погоди... Всё. Ихъ тебя фэрштею.

Вася даже по лбу себя стукнул. Это ж надо было так опозориться. Да еще при другом агенте. У Васи в носу предательски засвербело. А так бывало крайне редко. Когда Аршавин мяч ногой достал. И когда Званцев на руках Адвоката несёт, а в них стреляют. Теперь вот третий раз. Но не от грусти или гордости внезапной. А от стыда и обиды.

Романыч, человек, хоть и крайней степени мудрости, причин печали Васи не осознал. Вероятно, сказывалось выпитое еще на борту. Потому Васе пришлось пояснить. Аккуратно и шёпотом.

— Наш это человек сидит, Романыч, — Вася недвусмысленно покосил глазами в сторону сотрудника. — Аванс, говорит. Понимаешь? Ему уже занесли в конверте. Чтоб он нас спокойно пропустил. По-тихому. А я...

— Эй, еблан, свали уже, людям дай пройти! — внезапно раздалось что-то родное со стороны скопившейся очереди.

Вася выпрямился во весь рост. Тельняшка на нём расправилась, словно костюм какого Спайдермена, а решимости громить хлебалушки прибавилось, как накануне августа второго.

— Это кто там базарит? — пробасил Вася, похрустывая костяшками кулаков. — Это кто там страховку оплатил?

— Свали на хер, алкошня, — раздался уже другой голос, — вали обратно, гандон.

Вася радостно оскалился. Ну, наконец-то. С самого выхода из кабинета Важного Господина ему хотелось кому-нибудь треснуть. Но нельзя же прямо в святая-святых руки распускать. Это о Москве, естественно. Она ж так похорошела. А тут Вася из Алупки приедет и давай беспорядок наводить. Нет. Так нельзя было. В аэропорту тем более. Там повсюду ФСБ. Не дай Бог увидят, как Вася барагозит, и отменят операцию. А такого шанса Вася упускать не собирался.

И вот оно. Вдали от дома. Во Франции. Вот уж чего не ожидал Вася, так это такого подарка прямо на пороге. Собирался он уже шагнуть навстречу двум потенциальным калекам, как Романыч больно ткнул его по рёбрам своим тонюсеньким локтем.

Нельзя.

— Прав ты, Романыч, — Вася с грустью посмотрел на побледневшего сотрудника таможенного контроля. — Гляди, уважаемый. Какие люди хорошие. Не знают меня. Видят в первый раз в жизни. А на хер послали и гандоном назвали. Как дома.

И довольно крякнув, Вася зашагал к выходу из таможенного терминала. Он точно не знал, куда именно ему направиться. Взять машину напрокат? Так у Васи прав никогда

не было. Это, разумеется, не мешало ему водить его Гранту. Вася как мыслил. Если прав нет — так их и не отнимут. Поэтому и не обременял себя этим документом.

Взять такси? Идея неплохая. Таксисты — народ болтливый. Можно было расспросить водителя о положении дел в стране, о правительстве, о любви народа к власти. Но Вася не был дураком. Такси, в особенности у аэропорта, дело неприлично дорогое. А в финансах Вася был малость ограничен.

Автобусы. Вася автобусы с детства не любил. Эта нелюбовь была абсолютно иррациональна. Однако достигала таких масштабов, что раз в году Вася отправлялся в автобусный парк с целью продырявить все колеса нелюбимому транспорту. Особенно его бесил двадцать второй маршрут. Чем конкретно? А тут конкретики не требовалось. Это чувство исходило из самого нутра Васи.

Оставался поезд. И вот поезда Вася любил. Там и поговорить можно. И видами полюбоваться. Жаль только Вася не подумал заранее об этом варианте. Он бы еще в России сварил картошечки, яичек отварил, курочку бы в духовке зажарил.

Впрочем, сама идея того, что до центра столицы Абсолютного Зла он доберётся на поезде, здорово подняла настроение Васи. И Вася зашагал на уровень «-1», где и располагался необходимый состав.

Поезд Васю порадовал. Умели французы. Чисто. Сиденья приятного синего оттенка по два с каждой стороны и по два

напротив. Скорее электричка, чем поезд в понимании Васи, но и этого было достаточно, чтобы не заметить гниения. Но что гниение было — Вася нисколько не сомневался.

— Оно, Романыч, — пояснял Вася, когда они уселись на свободные места, — оно в головах у них, понимаешь. Чистотой этой вот. Этими вон вывесками яркими... красивыми, сука... они тебя заманивают. Чтобы и ты прогнил, понимаешь.

Романыч закивал. Как тут было не понять? Если б не Вася, Романыч бы тут уже начал свой паспорт жрать. Чтоб назад не возвращаться. Запад — хитёр. И коварен. А Романыч... Романыч — человек наивный. Глазам своим верит больше, чем ушам. А зря. Глаза обмануть можно. Хорошо, что Вася рядом. Романыч даже прослезился.

Напротив двух новоявленных агентов самых секретных служб расположилась красивая дева. Не девушка и не женщина. Вася про себя окрестил её именно «дева». Не зря говорили, что француженки эти жуть как сексуальны. Сидевшая напротив являла собой верх мужицких мечтаний. Но тех мужчин, что мыслями греховны. Грудь на показ и какие-то неестественно огромные. Вымя — не иначе. Губы точно осы покусали. Никакой красоты в том не было. Глазища, не глаза. Как у срущего котёнка.

— Гляди, — Вася облизнулся, — вот оно... олицетворение гниющего Запада. Тварь. Распутница. Вавилонская блудница, мой Романыч. Разве ж русская красавица вот так вот мог-

ла бы? Разве ж уподобилась бы такой шалав...

— Ты, козёл, совсем что ли охерел? — на чистом русском обратилась к ошеломленному Васе «кажется не французенка».

— Пardonьте, — поперхнулся Вася. — Принял вас за вражескую особь.

— Чего? — протянула незнакомка.

— Говорю, что не признал в вас русскую красу. Извиняюсь, голубушка.

— А я и не русская, — незнакомка брезгливо поморщилась. — Я из Белоруси.

Вася некоторое время помолчал. Он как-то внезапно для себя осознал, что в нынешних обстоятельствах периодически помолчать — штука не только полезная, но и жизненно необходимая. Впрочем, даже этого молчания Васе не хватило для осознания.

— Ну... Так я и говорю, что не признал, что ты русская, — еще раз, словно мантру, повторил он.

Незнакомка только недовольно мотнула головой и начала подниматься с кресла, как Вася решительно, но не грубо ухватил её за запястье.

— Да прости ты. Погоди. Как зовут?

— Тебе зачем? Пусти, — она вырвала руку, но села обратно.

— Ну как? Я впервые здесь. А тут рядом родная душа.

— Вавилонская блудница, — поправила Васю незнаком-

ка.

— Ну чего ты прицепилась? Я ж думал, что ты отсюда, из Франции. А ты наша.

Незнакомка как-то странно посмотрела на Васю. Васе этот взгляд не особо нравился. Так на него иногда смотрели. И чаще всего в учреждениях характера медицинского.

— Ты тоже впервые? — решил продолжить Вася.

— Нет, — незнакомка откинулась на спинку кресла. — Передавала пакет. Я не прилетала. Я тут уже несколько лет живу.

У Васи вновь сошелся пазл. Его даже мурашками покрыло и обратно раскрыло. Как же лихо всё устроено! Вася едва сдержался, чтобы не начать аплодировать.

«Передавала пакет».

Это она принесла взятку на таможеню. Ну, естественно. А теперь изучает.

— Bravo, — отдал должное незнакомке Вася. — Ты будешь нашим проводником?

И опять этот взгляд. Незнакомка в этот раз даже брови подняла.

— Чего? — она слегка наклонилась вперёд.

— Я всё понял, — Вася тоже наклонился и перешёл на шёпот. — Мы из Кремля. Главный добро дал. Это ты для нас взятку приносила. Мы приехали побеждать Запад.

Теперь молчала незнакомка. И не просто молчала. Она буквально замерла в одной позе и ни разу не моргнула на

протяжении, казалось, нескольких минут. Вася уверен был, что в эти минуты рыжая обладательница внушительного бюста даже не дышала.

— Алеся, — внезапно выпрямилась она и откинулась вновь назад. — Да, ты абсолютно прав. И, поздравляю, вы оба прошли проверку. Хотя насчет этого...

Алеся глянула строго на Романыча.

— Насчёт этого были некоторые сомнения. Он не проговорится?

Романыч едва не задохнулся от переизбытка чувств и собирался уже начать клясться всеми известными богами в верности, но Вася его опередил.

— Ему я верю, как самому себе. Можете в его верности не сомневаться. Операция, вообще-то, проводится на его день-ги.

Алеся еще раз внимательно смерила взглядом Романыча.

— Хорошо, — вынесла она вердикт. — Будем работать. Сколько в вашем распоряжении времени и средств?

Вася с готовностью полез во внутренний карман за конвертом. Там лежали обратные билеты и купюры евро. Алеся не стала вытаскивать что-либо из конверта, а лишь осторожно отогнула краешек, чтобы изучить содержимое. Сразу видно было, что она не дилетант какой. Агент самой высокой пробы.

— Не густо, — покачала она головой. — Но придумаем что-нибудь. Я провожу вас на квартиру-явку. Там всё уже

устроено. О снаряжении вашем я тоже позабочусь. Ваша задача...

Алеся наклонилась вперёд, и Вася не удержался от того, чтобы не уронить взгляд в манящую ложбинку меж её грудей. Да там и потерялся совсем. Пока Алеся не шлёпнула его легонько по макушке.

— Ты всё понял, агент? — строго спросила она.

Признаваться, что Вася совсем и не услышал ничего, он не хотел. Это ж позору не оберешься. Но и врать агенту спецслужб не хотелось.

Из бедовой ситуации Васю вытащил Романыч. Он так бодро кивнул своей головой, что Вася невольно испугался, как бы его товарищ шею себе не сломал.

И уже через три четверти часа дверь за Васей и Романычем закрылась. Алеся, как и предупреждала, провела их до квартиры-явки. Откуда им троим предстоит начать борьбу против гнивающего Запада.

Глава 3

Утро для Васи наступило. Чем не победа над Западом? Пусть маленькая, кому-то может показаться, что незначительная — но Вася проснулся живым, здоровым и даже без похмелья.

Впрочем, последнее не было заслугой лично Васи. Оказалось, что в доме Алеси попросту не оказалось напитков алкогольного характера. Это не могло не расстраивать только прибывших на чрезвычайно важное задание невероятно секретных агентов. Но выбирать не приходилось. Вася мужественно снёс этот удар Судьбы. Романыч проплакал несколько часов в подушку, но смог-таки уснуть.

Алеся определила обоих агентов в гостиную. Вася, как агент наиболее важный, собой занял крошечных размеров диванчик. Романычу же пришлось довольствоваться пледом, брошенным на пол. И тут не было, как могло показаться, дедовщины или пренебрежения к Романычу. Ни в коем разе. Просто Романыч являл собой человека крайне опытного. Неоднократно, волею Рока и велению недалёкой супруги, приходилось этому гордому и мудрому мужу ночи проводить на коврике у входной двери.

Утро же секретных агентов встретило не только ароматом столь далёким от понимания, но и видами крайне интересными. В первые минуты, когда и Вася, и Романыч ещё

боролись с желанием досмотреть захватывающие сновидения, оба сначала стали принюхиваться. Причём Вася делал это настолько старательно, что чуть ноздрями своими не втянул тоненькое одеяло, натянутое до самых бровей.

— Хватит валяться, бойцы невидимого фронта, — раздался неприлично бодрый голос Алеси. — Кофе готов.

Вася сразу про себя отметил, что гражданочка стала на чужбине родной язык забывать. Но тут же решил, что дело это поправимое. Было бы желание — научить дивчину обратно языку великому и могучему проблемой не станет. А желание, при его неожиданном отсутствии, можно и навязать.

При утреннем свете квартирка оказалась ещё более подозрительной. Это Вася минувшим вечером здорово опростоволосился, что сразу всё не рассмотрел как следует. Иначе бы Алесю подверг допросу с пристрастием.

В квартире было подозрительно чисто. Нет, Вася тоже, нет-нет, да устраивал у себя уборку. Но здесь же было... Ну... Чисто. Вот прям совсем. А это вызывало подозрения. Нормальный человек — вот он как живёт? С душой. У него и носок где попало валяется, и трусы под кровать запиханы, в лотке кошачьем новая жизнь зарождается. А у Алеси... Ох и настораживало всё это Васю.

Дальше обоих агентов ожидал настоящий удар. Тут, простите, утром и так всё напряжено, что одеялом не скрыть. Девчуля же удумала подлить топлива в этот костёр.

Алеся стояла спиной к ним и возилась с каким-то чудным аппаратом. И не сказать, что голая была. Вася врать не любил. Но так ведь и одеждой этот «полперденчик» не назвать, растудить его в качель! Халатик был. Присутствовал, так сказать. Вот только функцию свою — срам прикрывать — не выполнял совершенно.

Романыч начал было рот открывать, но Вася мигом ему пятернёй своей хлебалушко закрыл. И только тогда понял, что коллега его по секретному цеху не для морализаторских речей уста открывал, а банально пускал слюни.

— Гражданочка, — Вася поднялся во весь рост, одеялком маскируя утренний флагшток, — во избежание каких-либо... инцестов, я бы вас попросил красоту свою прикрыть. Мы люди, конечно, глубоко воспитанные, но при таких натюрмортах воспитание наше становится ну очень глубоким. Что не откопать.

Алеся обернулась и непонимающе уставилась на Васю. Если тыл её новоиспечённых агентов будоражил, то фронтальная сторона привела к микроинсульту у Романыча, а Васю заставила громко до неприличия сглотнуть.

Но Вася являл собой пример добродетели и образ русского мужчины порочить не собирался. Пока, по крайней мере.

Кофе Вася пить не торопился. Пока Алеся приводила себя в вид более подходящий русской девушке, посланник Кремля проводил осмотр. Агент без осмотра помещения — это не агент, а турист какой-то. А туристов Вася не любил.

На подоконнике стояли какие-то растения. Много. Слишком много для одного человека. Явно для прикрытия. За такими горшками можно и камеру спрятать, и жучок, и вообще что угодно. Вася взял один горшок, перевернул, осмотрел дно. Земля посыпалась на подоконник. «Горшки на Западе ненадёжные» — сделал вывод Вася.

Книги на полке он тоже проверил. Потряс несколько штук. Так в кино делали. Вася видел. А кино оно врать не станет. Его ж по телевизору показывают. Вот если фильм в интернетах смотреть — там дело другое. Там тебя всё время обмануть пытаются. Однако, так или иначе, а из книг ничего не выпало. Как Вася их не тряс.

А потом Вася увидел флаг. Вася таких не видывал. Станный какой-то. Чуждый разуму и сердцу. Вася это нутром почувял.

Висел он скромно. Флаг. Не Вася. В уголке. Бело-красно-белый. Вася уставился на него. Флаг уставился на Васю. Вася наморщил лоб. Флаг морщиться не стал, хотя очень хотелось.

— А чё это? — спросил он у подошедшей как раз Алеси.

— Флаг, — весьма лаконично ответила она.

— Сам вижу, что флаг, — Вася подошёл ближе. — Чей? Гандураса что ли? А, Романыч?

Романыч со знанием дела уставился на государственный символ. Уж что-что, а в геральдике он был силён. Как сам полагал. Как полагал и то, что геральдика вообще имеет ка-

кое-то отношение к флагам.

Просто тарашиться на флаг оказалось мало. Романыч по-дошёл к нему, понюхал. Даже пылью не пахнет. Значит, государство ещё молодое. Потрогал краешек. Втёр палец в дёсна.

Кивнул.

— Гандурас, значит, — подытожил Вася. — А на кой тебе флаг Гондураса? Маскировка?

Алеся стояла с непроницаемым выражением лица. Очевидно, что восхищена была дедукцией агентов.

— Ага, маскируюсь. А он у тебя, — Алеся кивнула в сторону Романыча, — вексиллолог на полставки?

Вася чуть не задохнулся в возмущении.

— Ты чего?! Нормальный он. Он женат вообще и дети есть.

— Понятно. Приношу свои искренние извинения... — и тихо про себя добавила: — И соболезнования... детям.

Вася ещё раз внимательно посмотрел на флаг. Остался доволен тем, как лихо и с первого раза он определил принадлежность его к стране. Вася вообще всегда знал, что интуиция у него отменная. Или отменённая. Тут он иногда путался.

Но в этот раз запутаться он не успел. Потому что увидел плакат.

Плакат висел на стене в небольшой рамочке. Две девушки обнимались. Ничего такого. Оно бывает. И в России есть подружки, что обнимаются для фото. Вот только эти кумушки

обнимались как-то... неприлично, что ли.

— Подруги? — спросил он наконец.

— Ещё какие, — не моргнув глазом сказала Алеся.

Вася наклонился к плакату настолько близко, что уткнулся носом в него.

— Сёстры, — решил Вася. — Агась. Точно. Подругам так обниматься не положено.

Алеся согласилась. Сёстры. Ещё и похожи очень. Вася удовлетворённо кивнул и отправился к столу. Он любил, когда всё объяснимо. И им объяснено.

За столом Алеся разлила кофе по чашкам. Чашки были тонкие, изящные, с какими-то завитушками. А какие крохотные были. Игрушечные что ли? Вася взял свою двумя пальцами и с тоской посмотрел на неё. Не кружка. Несерьёзно как-то. Из такой и не выпьешь толком. Ладно, что тут кофе. А если б пиво наливать? Так и оскорбиться недолго.

— Ну, — Алеся обхватила свою чашку ладонями и посмотрела на обоих агентов. — Рассказывайте.

— О чём? — Вася принялся к кофе и едва не чихнул.

— Обстановку доложить! — внезапно рявкнула Алеся.

— Воевать, — тут же отрапортовал Вася. — Воевать прибыли. Поразить врага в самом сердце. Разрушить ось зла. Бросить кольцо, так сказать, в лаву. Срубить голову змеюке подколодной!

Алеся кивнула. Подождала. Больше ничего не последовало.

— Ну, с кольцом это ты мощно загнул, — терпеливо продолжила она. — А конкретнее можно? Или мне... Главному звонить?

Вася многозначительно посмотрел на Романыча. Романыч не менее значительно посмотрел в свою чашку.

— С англо-саксами, естественно, — сказал Вася таким тоном, каким говорят очевидные вещи. — С кем же ещё?

Алеся поставила чашку на стол.

Поставила аккуратно. Медленно. С той осторожностью, с которой люди обращаются с предметами в моменты, когда очень хочется запустить ими в стену.

— Со всеми сразу? — уточнила она.

— Ну, — немного растерялся Вася. — Тут как пойдёт. Сначала зайдем в этот... Где эти сидят... Против России которые...

— Европарламент? — Алеся стала пальцами массировать виски.

— Да! Точно! — заорал Вася. — Европарламент. В него пойдём.

— Вдвоём.

— Втроём, — поправил Вася и кивнул на Алеся. — Ты же с нами.

Алеся долго смотрела в окно. За окном был Брюссель. Брюссель не подозревал, какая угроза нависла над его Европарламентом. Брюссель жил спокойно. Пил кофе. Ехал на велосипеде. Кормил голубей.

— План есть? — наконец спросила Алеся.

— Есть, — уверенно сказал Вася.

Алеся почти с надеждой посмотрела на него.

— Войдем через дверь и захватим там всех. И заставим Родину любить. Нашу, разумеется, — изложил план Вася.

Романыч авторитетно закивал. План был хорош. Конкретен. Чётко. Лучшие планы именно такими и бывают.

Алеся взяла чашку обратно. Сделала большой глоток. Потом ещё один. Кофе был хорош. Это сейчас было важно.

— Хорошо, — сказала она наконец таким голосом, каким говорят люди, принявшие какое-то внутреннее решение. — Работаем. Но чётко по моим инструкциям. Вам же не доложили главного?

Вася с Романычем замотали головами. Им, по большому счёту, вообще ничего не докладывали. До всего талантливые агенты додумались сами. Вася рассчитывал, что это отметят ТАМ.

— Настоящее правительство сокрыто от всех, — заговорщическим тоном заговорила Алеся. — Здание Европарламента лишь ширма. Но я знаю, где затаился змей. И я вас проведу. А пока передайте мне все финансы.

— Это ещё зачем? — Вася очень не любил расставаться с деньгами.

— Вася, — протянула назидательно Алеся. — Это ж Запад. Тут прогнили все. Обворуют. И глазом моргнуть не успеешь.

Стук в дверь застал Васю врасплох. Он так нелепо вздрогнул, что могло сложиться ошибочное мнение, будто Вася, упаси Господь, испугался. А Вася не пугался ничего, кроме инфляции. Что это за зверь такой, Вася не понимал, но по телевизору всё время говорили, как эта сволочь растёт и растёт. Говорили при этом с лицами крайне сурьёзными.

Алеся открыла дверь.

На пороге стоял мужчина. Лет сорока пяти. Но какой-то неправильный. Подтянутый. Без пивного брюшка. Без морщин глубиной с Марианскую впадину. Да ещё и с зубами. Ну, то есть, не морщины у него с зубами. А мужик этот странный. С зубами. Вот откуда в его годы зубы? Да ещё и такие белые? Спортивный костюм гад нацепил. Явно дорогой. Явно потому, что в Европе всё дорого. Об этом Вася прекрасно был осведомлён. Вася таких незнакомцев не любил. Он вообще незнакомцев не жаловал. В своём районе мог и вгрызлось двинуть — для профилактики. С некоторыми Вася так и знакомился. Этот же незнакомец не нравился Васе особенно сильно. Уж больно довольным выглядел. А чего, спрашивается, он такой довольный, когда у них тут всё плохо?

— Алези! — мужчина расцвёл ещё больше. — Бонжур! Ту вьен курир аожурю?

— Бонжур, Тьерри, — Алеся чуть посторонилась, давая понять, что не одна. — Малёрэзман, же не пё па. Же сюи авек дё мамбр дё ма фамий.

Тьерри заглянул через плечо Алеси. Обнаружил Васю. Ва-

ся сверлил глазами Тьерри. Тьерри улыбнулся ещё шире. Вася нахмурил брови так, что лоб заболел. Пришлось брови расхмурить обратно.

— О! — Тьерри немедленно просиял ещё сильнее, что казалось невозможным. — Экселан! Же ву завит а прандр ле кафе э лез гофр ше муа!

— Какая гофра? Сантехник что ли? — не отводя взгляда от Тьерри, тихо спросил Вася у Алеси. — Гони его в шею. Знаю я таких сантехников. Придут сортир чинить, а потом туалетной бумаги не досчитаешься.

— Сосед это мой. Приглашает на кофе и вафли, — так же тихо ответила Алеся.

— Какие в сраку вафли? — Вася начинал злиться, его напрягало то, что он не мог понять речи явно вражеского агента. — Не доверяю я ему. Смотри какой счастливый поганец.

— Послушай, ты, — Алеся всё ещё улыбалась Тьерри, но интонации всё больше походили на заводящуюся бензопилу. — А ну соберись! Про разведку слыхал? Надо соглашаться.

Вася от негодования топнул ногой. А потом ещё и пнул Романыча. Это ж надо было опять так опозориться. Да ещё и перед Алесей.

— Скажи ему, — Вася выпрямился, — что мы придём. Скажи.

Алеся что-то ответила Тьерри по-французски. Тьерри захолопал в ладоши как ребёнок. Вася наблюдал за этим с нарастающим подозрением. Слишком радуется. Но всё равно.

Видно. Профессионал. Опытный.

Тьерри ушёл. Вася немедленно закрыл дверь и обернулся к Алесе.

— Давно он тут? — спросил Вася тоном следователя.

— Года три точно, — пожала плечами Алеся.

— Три года, — повторил Вася значительно. — Три года сидит. Ждёт. Нас ждёт паскуда. Методично. Профессионал. Ты видал, как этот Брюссель всё продумал, Романыч?

Романыч согласно покачал головой. Три года на одном месте — это выдержка. Похвалы, безусловно, заслуживает. А вот Романыч, к примеру, уже семнадцать лет в браке. И все, кто с женой его знаком, сойдутся в одном мнении — это героизм. Тут не похвала. Тут памятник нужен.

У самой квартиры Тьерри Вася остановился и провёл последний инструктаж.

— Значит так, — шёпотом, но очень громким. — Я говорю. Вы молчите. Я гляжу по сторонам. Вы тоже смотрите. Ничего не едим без моей команды. Вафли эти ихние особенно. Мало ли чего они туда намешали.

— Вася, — Алеся закрыла глаза. — А ты как с ним разговаривать собираешься? Ты ж кроме русского не знаешь языков. Ну, разве что, феню.

Только вот Тьерри открыл дверь прежде, чем Вася успел возразить или даже оскорбиться.

Квартира у Тьерри была светлой. Пахло кофе и чем-то сладким. На столе стояли вафли. Толстенные такие. С са-

харной пудрой. Рядом свежие ягоды. И кофе в высоком стеклянном кувшине.

Вася всё это окинул профессиональным взглядом и остался недоволен.

Тьерри усадил гостей и начал что-то говорить по-французски. Оживлённо, с жестами, явно радуясь компании.

— Чё он там мурлыкает на лягушачьем своём? — Вася не сводил с хозяина глаз.

— Спрашивает, откуда вы, давно ли приехали, нравится ли Брюссель, — перевела Алеся.

— Данные собирает морда, — кивнул Вася. — Скажи ему, что мы шпили смотреть приехали.

Тьерри между тем положил Васе на тарелку вафлю и придвинул ягоды. Сделал это с искренней заботой. Почти нежно.

Вася уставился на вафлю.

— Чего в них? — спросил Вася у Алеси.

— В ком?

— В этих вот, — Вася пальцем ткнул в вафлю так, что случайно проткнул насквозь.

— Тесто, бл@дь, мука и яйца, — огрызнулась Алеся.

— Какая ещё такая «бл@дь»? — Вася немного побледнел.

— Он, прости Господи, проститутку на вафли пустил?

— Вася. Не тупи. Нет там ничего, кроме муки, яиц и молока.

— Но ты сказала...

— Вася! — гавкнула Алеся, и Вася вынужденно умолк на

время.

Алеся что-то сказала Тьерри по-французски. Тьерри понимающе закивал и как-то странно на Васю посмотрел. Обидно очень. С долей жалости и сочувствия.

— Чего он так зырит?

— Понимает, как тебе тяжело вдали от дома, — перевела Алеся ровным голосом. — Говорит, что его... — Алеся немного замялась. — Партнёр сейчас далеко и сам Тьерри скучает.

Вася выпрямился.

— Какой такой партнёр? По бизнесу?

— Ага, — быстро закивала она. — По бизнесу.

Тьерри в этот момент накрыл васину руку своей ладонью и что-то произнёс. Тихо, сердечно.

— Говорит, что всё хорошо, — перевела Алеся. — Что ты в безопасности. Что он рад тебя видеть.

Вася долго смотрел на Тьерри. Тьерри улыбался. Открыто и без задней мысли.

— Ты ему переведи, — медленно так начал Вася, — что ежели он руку не уберёт... я ему её в пяти местах сломаю... потом вырву и ею же насмерть забью.

Алеся поспешила предупредить соседа:

— Тьерри, рётир та мэ. Иль э андикапе манталь э иль а пёр кон лё туш.

После этого наглец-бельгиец тут же руку свою убрал и поспешил молить о пощаде, как подумал Вася:

— Бьен сюр. Кэль малядрэс дё ма пар. Лё повр.

— То-то же, — буркнул Вася. — А то устроили тут пед-опроизвол.

Романыч же всё это время смотрел на вафлю. Вафля Романыча соблазняла. Да так ловко это проворачивала, что Романыч не выдержал.

— Романыч! — зашипел Вася.

Но было поздно. Романыч уже жевал. С таким выражением лица, с каким обычно осознают, что жизнь была прожита не зря.

Вася с укором посмотрел на товарища.

— Эх ты, Романыч, — наконец сказал он тихо. — Это ж провокация была.

Романыч согласно закрыл глаза. Провокация была восхитительной.

Глава 4

Алеся ушла в полдень. После визита к соседу она казалась немного разочарованной. Оно и понятно. Как тут не разочароваться, когда на твоих глазах Романыч за вафлю Родину продаёт? Перед уходом она выдала такую порцию запретов, что Вася почувствовал себя не секретным агентом, а первоклассником, которому велели не совать пальцы в розетку и не облизывать качели на морозе.

— Из дома чтобы ни ногой, — отрезала она, натягивая сапоги. — В окна не высовываться. На телефон не отвечать. Двери не открывать. Если кто постучит, прикиньтесь мебелью. Ясно?

Вася кивнул с таким лицом, будто давал присягу. Романыч тоже закивал. Он кивал особенно преданно во имя искупления греха своего. Алеся несколько драгоценных секунд оценивающе взирала на выпавшее ей счастье, глубоко вздохнула и вышла за дверь. Как только щёлкнул замок, Вася повернулся к соратнику.

— Ну что, Романыч? Слышал?

Романычу только и оставалось, что глубоко и трагически вздохнуть. Слова здесь были излишни по мнению Романыча.

— Отставить тоску, — Вася взял своего напарника за плечи и небрежно встряхнул. — Это ж проверка была. Понимать надо! Ты думаешь, чего она так посмотрела на нас в

конце? А? То-то! Это она такая говорила, мол, ну что, голубчики, поняли?

Романыч, конечно, ничего подобного во взгляде Алеси не заметил. Скорее даже наоборот. Лично Романыч в глазах девушки успел различить презрение, неприязнь и даже некоторую жалость. Но откуда вот Романычу было знать? Он и сам это понимал. Потому и доверял Васе на все сто процентов.

— Нас проверяют на инициативность, Романыч. На умение действовать в условиях... этих... нетрадиционных.

Вася подошёл к окну и, аккуратно отодвинув штору на толщину одного Васиного глаза, уставился во двор.

— Понять бы только куда нам инициативу свою направить? Надо бы понять, на что она намекала...

Откровенно говоря, Романыч уверен был только в одном — если Алесья на что и намекала, так это на крошечный интеллект каждого из присутствующих в квартире. Но Вася был человеком крайне упёртым. Потому говорить что-либо вслух Романыч не решился. Уж лучше было посмотреть, к какому правильному выводу Вася придёт сам. В том, что вывод будет правильным, Романыч убедится после. Когда Вася приведёт неопровержимые аргументы.

— Давай-ка, друг мой сердечный, восстановим картину, — Вася продолжал смотреть в окно через узкую щелочку. — Мы проснулись. Кофе. Книги. Флаг. Портрет сестёр. Сосед! Вася даже головой себя о стену ударил в наказание.

— Конечно же! Сосед! Смотри, как всё ловко подстрои-

ла, Алеська наша. Кофе. Кофе, Романыч, это что у нас? Правильно! Зёрна! Дальше были книги. А книги, они тебе про что говорят? Война и мир. Флаг, опять-таки же. Символ государства. Потом сёстры на плакате. Обнимаются. И сосед стучит. Гениально!

Вася даже от окна отошёл и стал поглаживать себя по пузу.

— Нет, ну ты сам-то понимаешь? — обратился он к Романычу.

Романыч не понимал.

— Взойдёт зерно раздора между сёстрами. Поссоримся мы с Гондурасом. Флаг-то евойный. Вот оно, Романыч. Этот упырь, — Вася кивнул на дверь, подразумевая Тьерри, — готовит провокацию. Хочет столкнуть Россию и Гондурас.

Романыч, наконец-то, всё понял. Эх и гением же был Вася. Вот всегда он умел найти связь. Даже там, где её и не должно было бы быть. Талант такой. Редкий очень.

— Надо бы нам, Романыч, выкурить этого гада, — Вася подошёл к двери и глянул в глазок. — Да в мусоре у него покопаться. Есть идеи?

Вася обернулся на Романыча и убедился, что у того идей совершенно нет. Но это проблемой не было. Потому как сам Вася был полон идеями под завязку. Не всякая подходила для достижения цели на все сто, но большинство из них были даже не преступного характера.

Романыч тем временем протёр взмокший от пота лоб салфеткой. Думать всегда было слишком утомительно. Салфет-

ку же Романыч, как человек воспитанный весьма крепкой телосложением женой, поспешил выбросить в мусорное ведро.

— Ты гений, Романыч, — заорал Вася. — Алеська специально мусор оставила. В нём для нас должно быть припрятано оборудование или...

Никакого оборудования в ведре найти не удалось. А вот лишние вёдра нашлись. Ещё и цветастые.

— Хм, — Вася почесал затылок. — Гляди, Романыч, чудно как-то тут. Пока не особо вкуриваю я эту подсказку.

Он внимательно изучил содержимое всех пакетов, что в вёдра аккуратно расставлены были. Полезным он посчитал зелёный пакет.

— Вот, Романыч, — с гордостью продемонстрировал находку Вася. — Сейчас мы из этого оружие делать будем.

С этими словами самый тайный из секретных агентов засунул пакет с органическими отходами в микроволновку и крутанул таймер.

— Ты бы, Романыч, — осторожно так заметил Вася, — окошки бы приоткрыл. А то... тут сейчас такой шанель пойдёт, что все диоры повесятся.

Запах, надо отдать должное, действительно получился отменным. С ног мог свалить даже медведя. Впрочем, медведей вырубать необходимости не было, а вот выкурить из дома Тьерри задачей являлось первостепенной.

Потому Вася героически и самоотверженно, с пакетом в вытянутой руке, помчался в коридор. Там он аккуратно раз-

местил снаряд возле двери Тьерри, постучал так, что петли слегка погнулись. И был таков.

Правда, Вася рассчитывал, что сосед схватит мусор и помчится на улицу к контейнерам. А сами агенты бы в это время собрали бы улик. Но бельгиец оказался крайне хитрым. Подготовленным.

При обнаружении «вонючей бомбы» у себя на пороге, Тьерри ненадолго скрылся в квартире, а потом вышел с такими же цветными пакетами. Подобрал оставленный Васей и направился к выходу из подъезда.

Вася с Романычем, без промедлений, последовали за ним. И ведь не по чем гаду была и вонь. Тьерри шёл, лучась всё тем же неестественным здоровьем. Порой Романычу казалось, что их мастерское преследование цели не было таким уж мастерским. Особенно, когда сам Романыч споткнулся, больно ударившись о ступеньку ногой. Не выругаться в голос ему помогла годами выработанная сдержанность.

Тьерри же выбросил мусор и отправился дальше по улице, а не обратно домой. Ещё одно подозрительное действие. Так решил Вася.

— Видал, что этот упырь сделал, Романыч?! В каждый контейнер свой пакет. Шифр. Не иначе. Цветовая кодировка донесений. Синий. Синий? Синий это, поди, про флот наш. Жёлтый. Ну, это солнце. А кто к Солнцу ближе? Авиация. Зелёный. Ну, тут всё сразу понятно. Это погранцы. А вот серый...

Тут Вася не на шутку задумался. Романыч решил задуматься вместе с ним, но от решений к действиям, как известно, пролегает пропасть.

— А серый, Романыч, — заключил Вася. — Это... это важное что-то. Секретное.

Операция по изъятию вражеской корреспонденции прошла на удивление гладко. Вася, изображая человека, крайне заинтересованного устройством крышки мусорного бака, ловко подцепил пакеты Тьерри. Романыч, дрожащий от страха и осознания важности момента, страховал его, делая вид, что очень внимательно изучает узоры на столбе.

Уже через пять минут оба агента, тяжело дыша, стояли посреди Алесиной гостиной. Перед ними на девственно чистом полу лежали пакеты с мусором.

— Ну, — Вася потёр руки. — Сейчас мы узнаем, чем дышит этот ваш Брюссель. Романыч, неси нож. Будем вскрывать гнойник капитализма.

Вскрывался гнойник недолго. Бесцеремонно. И весьма просто. Метод был проверен. Взял, надрезал, высыпал. Романыч едва успел отскочить.

Посреди девственно чистого пола Алесиной гостиной образовалась куча. Куча была разнообразной. Куча была богатой. Куча была, откровенно говоря, весьма ароматной. Особенно та её часть, что прибыла из зелёного пакета.

— Романыч, — сказал Вася, зажимая нос. — Ты это... ртом пока дыши.

Романыч уже дышал. Впрочем, к подобным ароматам ему было не привыкать. Он не часто валялся по помойкам, как можно было бы ошибочно подумать. Приходилось, конечно, но тут дело было совершенно в ином. Романыч у себя на балконе опарыша разводил. Для рыбалки. Так вот там аромат из ароматов.

Вася же опустился на колени и приступил к изучению улики. Работал методично. Профессионально. С той тщательностью, с которой хирург вскрывает... ну, в общем, гнойник капитализма и вскрывает.

Романыч страховал. Стоял у стены. С видом человека, который эту стену не просто поддерживает, но являет собой самую важную часть конструкции.

Улики Вася раскладывал аккуратно. Пока бессистемно. Потому как никакой системы Вася временно обнаружить не мог. Но Вася работал. Вася думал. Вася приноховался, хотя и не хотел. Должна же была выстроиться цепочка. Всегда выстраивается. Просто надо чуть больше постараться.

И тут Вася нашёл чек. Маленький такой. Скромный. Этот чек и представить себе не мог, что однажды он станет главной уликой. Причиной самого громкого международного скандала. Спасением не просто государства, но человечества в целом. Вася искренне считал его таковым и поднёс его к глазам.

«7,11 19:52»

Вася замер. Потом медленно встал. Потом так же медлен-

но сел обратно. Потом снова встал. Он бы с удовольствием провернул эти движения ещё раз пятнадцать, но что-то больно щёлкнуло в копчике.

— Романыч, — голос у Васи был такой, каким говорят люди, которые только что поняли нечто настолько важное, что даже слова не сразу находятся. — Романыч, ты день рождения Главного знаешь?

Романыч знал. Грешно было не знать. Седьмого ноября. Вася и Романыч оба знали. Ибо безгрешные оба. Вася даже каждый год в этот день торжественно доставал из серванта особую бутылку. Заначенную специально. Нельзя же такой день как попало отмечать.

Вася посмотрел на чек ещё раз. Потом на Романыча. Потом снова на чек.

— Оно, Романыч, — прошептал он и ткнул пальцем в цифры. — Девятнадцать пятьдесят два. Это год, Романыч. Год рождения Главного. Ты понимаешь, что это значит?

Романыч понимал. Вернее, не понимал. Но по лицу Васи понял, что лучше бы понимал. Потому закивал.

Васю бросило в холодный пот. Буквально. Он даже тельняшку пощупал. Мокрая была. Насквозь.

И тут взгляд его упал на что-то ещё в куче. Что-то яркое. Прямоугольное.

Вася потянулся и извлёк из недр отходов пустую шоколадную упаковку.

«Didier Sheets Chocolatier. Ghana tablette»

Вася устался на упаковку. Упаковка Васю игнорировала. Вася шевелил губами. Читал. Перечитывал.

Потом у него подкосились ноги.

— Романыч, — Вася опустился на пол прямо посреди мусора, не замечая этого совершенно. — Романыч, ты видишь? Ты видишь, что тут написано?

Романыч видел. Романыч, правда, французского не знал. Но Вася уже тыкал пальцем в буквы и шептал:

— Деду... хана... Романыч. Деду. Хана.

Тишина в квартире стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Тем самым, которым только что вскрывали гнойник капитализма.

— Это покушение, — выдохнул Вася. — Они готовят покушение на Главного. Вот только когда? Хотя, какая в жопу разница? Надо все их планы сорвать. А как?

Романыч не знал. Романыч сейчас вообще мало что знал. Романыч переживал. За себя, естественно. Немного за Васю. Из-за вышек пять джи посильнее. И особенно сильно принято было переживать из-за глобального потепления. Конечно же, максимальные переживания в эту минуту у Романыча были по поводу жизни и здоровья Главного.

— Африка, — сам себе ответил Вася. — Конечно, Африка. Упаковка из-под шоколада? Шоколада. Шоколад он какой? Правильно, Романыч. Правильно. Кто ещё шоколадный недавно в России бывал? Разведывал всё? Ты вкурил? Они Люсьена нашего задействовали. Вот зачем он летел. Вот от-

куда он. Всё сходится, Романыч!

Вася вскочил на ноги. Глаза горели. В голове наконец выстроилась полная картина мирового заговора. Чёткая, логичная, не вызывающая ни малейших сомнений.

— Надо Алеське звонить. Немедленно. Операция выходит на новый уровень, Романыч. Мы с тобой только что спасли Главного.

Романыч истово закивал. Он тоже так считал. Хотя ещё пять минут назад был уверен, что просто смотрит на мусор.

В этот момент щёлкнул замок входной двери. Алесья вернулась. С пакетами. В пакетах была еда. Алесья планировала тихий вечер. Алесья вообще много чего планировала. Что было совершенно напрасно.

Девушка просто замерла на пороге и смотрела. Посреди её гостиной, той самой, где ещё сегодня утром был чистый пол, возвышалась куча. Куча добротная. Многослойная. Богатая. С характером. С русской, так сказать, душой.

Пакеты из рук Алеси, конечно, не выпали. Она держала их крепко. Это было единственное, что она сейчас контролировала. Но вот желание срезать со стоп каждого из этих двоих кожу и заставить бегать по поваренной соли — откуда-то возникло.

— Голубушка! — Вася вскочил. — Ты вовремя. Проверку твою мы, считай, прошли. Могла бы чего посложнее придумать. Не дети же перед тобой. Мы тут такое накопили. В прямом смысле, кстати.

Алеся молчала. Это было как-то... неуютно. Особенно Романычу. Романыч таких молчаний навидался. Ничего хорошего они не предвещали. Никогда. Ни разу в жизни. Романыч начал прикидывать, как лучше группироваться в случае экстренной эвакуации через окно.

— Извольте ознакомиться, — Вася торжествующе потряс упаковкой.

Алеся смотрела на упаковку. Лицо её при этом не менялось. Только где-то в районе левого виска обозначилась тоненькая жилка. И начала пульсировать.

— Деду хана, — перевёл Вася на случай, если Алеся не поняла. — Понимаешь? Это они Главному готовят. Почему именно Главному? Так дата есть. На чеке. Дата рождения деду, которому они «хану» устроить собрались. Но не бойсь, дедушка, Вася уже здесь. Вася всё разрулит.

Алеся поставила пакеты на пол. Аккуратно. Медленно. Почти медитативно. А потом подошла к окну. Прямо в сапогах прошла. Пачкать пол было уже не так страшно.

За окном был Брюссель. Всё тот же. Спокойный. Ехал на велосипеде. Кормил голубей. Понятия не имел. А должен был бы. И бояться начинать Брюсселю было самое время. Не сегодня — завтра его пригородом Франции сделают. Так проще будет. Чем пытаться Васе доказать обратное.

Алеся смотрела в окно долго. Романыч смотрел на Алеся. Вася смотрел на обоих с видом человека, ожидающего аплодисментов.

Аплодисментов не последовало. Что было даже немного обидно. Впрочем, Вася быстро сообразил, что дело тут, в принципе, не шуточное. Покушение на жизнь президента. В таком случае, можно и без аплодисментов. Медаль там можно. Это лишним не будет.

— Значит так, — Алеся обернулась и вырвала Васю из его грёз о наградах. — Убрали всё. До самой последней крошки. До самого мелкого фантика. Потом вымыли руки. Потом вымыли пол. Головы тупорылые ваши тоже помоете. Глаза промоете с мылом трижды. И не бесите меня.

— Но я же Главного... — начал Вася.

— Завали хлеборезку, — Алеся подняла руку, и Вася заткнулся. — Вы хоть представляете, что натворили? Теперь вся операция под угрозой. Этот мусор должен получить вражеский агент. А он его не получит. И что решит, Лёлик и Болик мои? Что он раскрыт и план нужно менять.

Вася нервно сглотнул.

— Поэтому, живо, — Алеся даже притопнула для порядка. — Всё убрать. На место вернуть. И отныне без моего ведома даже дышать не смейте.

Пока оба агента ползали по полу, собирая улики обратно в пакеты, Алеся стояла у окна. И думала о чём-то своём. С таким выражением лица, с каким люди принимают решения. Тихие. И окончательные.

Романыч это выражение заметил. И ему стало немного не по себе. Последний раз такое выражение лица у его старшей

дочери было. С тех пор он её и не видел вообще. Даже дозвониться не мог. Хотя жена виделась с ней каждый день.

— Алеська, — позвал Вася с пола. — Признаю. Опросто-волосился я. Но это я только. Романыч ни при чём. Он даже против был, можно сказать.

Алеся досчитала внутри до чего-то. Открыла глаза.

— Я тоже виновата, Вася. Не нужно было вас одних оставлять.

— Мы всё исправим, — Вася сжал кулак до хруста. — Вася из Алупки свои ошибки признавать умеет. И всегда косяки исправляет.

Алеся не ответила. Она снова смотрела в окно. И думала.

Глава 5

Рассвет третьего дня в сердце Прогнившего Запада наступал как-то... не по-христиански. Словно сам чувствовал, что лезет не вовремя. Вася ж ещё спал. Пусть на диванчике, но в позе человека, которому снятся победы. Одна рука гордо располагалась за головой, другая была свешена до пола и сжата в кулак. На всякий случай. Чтоб врагу, при необходимости, сразу в бубен въехать.

Романыч не спал. Романычу думалось о доме. О родных стенах, где гадина-жена и мерзавка-дочь с утра и до ночи измываются над младшеньким. Заставляют его учиться. Да ещё и по дому им, паршивкам, помогать.

Дома было плохо. Но Романыч собирался вернуться героем. Чтоб гордились. Чтоб в пример ставили. Чтоб за деньги, растраченные здесь, не убили.

Вася проснулся. Как просыпался всегда. Без будильника, без вялости, без переходного периода между сном и явью. Открыл глаза и сразу уже Вася. Уже думает. Уже готовый Обамов всяких с Макронами всухую побеждать. Ради Родины, разумеется. Вася, в принципе, ради Родины и жил.

— Романыч, — сказал Вася потолку, — ты вот спишь, а я всё думаю.

Романыч не спал и решил честно в этом признаться. Для чего закричал и перевернулся на бок.

— Думаю я, Романыч, вот чего, — продолжал Вася, глядя в потолок с таким видом, с каким великие полководцы смотрят на карты, — насчёт операции нашей. Надо бы нам, Романыч, с Алеськой серьёзно поговорить. По-взрослому. Без вот этих вот... как она делает...

Вася покрутил рукой в воздухе, изображая что-то неопределённое.

— Без этого всего. А конкретно. Как мужик с... бабой.

Романыч молчал. Молчание его означало что-то среднее между согласием и опасением.

— А чего ты опасешься? — Вася сел на диванчике, отчего тот скрипнул с досады. — Мы тут уже... вон скока... а чего добились? Поели вафель? Позор нам с тобой, Романыч. Там Главного убить собираются, а ты вафли вражеские жрёшь.

Последнее слово Вася произнёс с таким отвращением, будто это было диагнозом.

Из кухни тем временем потянуло кофе. Алесья уже встала. Алесья всегда вставала раньше. Алесья вообще, как успел заметить Вася, делала многое раньше и тише, чем все остальные. Это тоже было признаком профессионала. Вася это отметил и даже немного завидовал. Он и сам хотел бы вставать тихо и без лишних звуков. Но организм не позволял. Вася вставал как флот по тревоге.

— Ну и чего разлётся? — Вася пихнул Романыча ногой. — Вставай. Сейчас с Алеськой говорить будем. Только ты не молчи. А то моду взял.

Романыч сел. Потрогал затёкшую шею. Посмотрел на Васю взглядом человека, у которого на «серьёзный разговор с Алесей» имелись свои, очень конкретные мысли. Но поскольку мысли были пессимистического характера, Романыч предпочёл их оставить при себе.

Алеся стояла у окна с чашкой кофе и смотрела на улицу. В этот раз выглядела она подобающе русской красавице: синие джинсы, приятный свитер, волосы убраны. Вася сие себе в заслуги отнёс. Только приехал, а всю дурь западную из головы нашей девахи повытряхивал.

— Доброго Вам с кисточкой, — сказал Вася и сел за стол.

— Угу, — без интонации угукнула Алеся.

— Разговор к Вам имеется, мудмазель, — Вася сложил руки на столе. — Серьёзный.

Алеся обернулась. Посмотрела на Васю. Потом на Романыча, который как раз пытался тихо пристроиться в уголке и слиться с обоями. Потом снова на Васю.

— Излагай, мусьё, — сказала она и поставила чашку на подоконник.

— Задание давай, — Вася был краток, когда того требовал момент. — Только настоящее. Мы здесь не вафли жрать. Мы здесь Родину защищать. И вот я прям сейчас готов спасти Главного. Ты только скажи, что конкретно для этого делать надо?

Алеся некоторое время молчала. Потом подошла к столу и села напротив. Руки сложила перед собой. Смотрела на

Васю. Вася смотрел на Алесю. Романыч смотрел на свои руки и тихо молился всем богам, которые вспомнились. К его гордости вспомнил он даже Ганешу. Или Иешуа. Или Гаинешуа... Романыч запутался и чуть не всплакнул от досады. Пришлось обойтись кратким набором богов.

— Значит так, — начала Алеся тоном человека, который принял особо важное решение. — Будет вам задание. В самом деле. Чего я вас мариную почём зря?

Вася немедленно подобрался. Даже тельняшка, кажется, расправилась.

— Но только задание крайне важное, — она подошла к тумбочке и вернулась с чем-то сложенным.

Развернула на столе. Это была карта. Немного странная для карт секретных или хотя бы военных. Цветная вся. С картинками и надписями на языке врага.

— Выдвигаетесь на объект, — Алеся обвела пальцем точку на карте. — Занимаете позицию. Ведёте наблюдение. Фиксируете всех, кто приближается к объекту. В девятнадцать ноль-ноль возвращаетесь с докладом. Всё.

Вася смотрел на карту. Агентурная карта так не выглядит. Агентурная карта, она суровая. С линиями там, с условными обозначениями. Но раз Алеся дала такую... до Васи дошло... значит, конспирация. Не дай Бог кто увидит в руках её у Васи, скажут, туристы. Умно. Профессионально. Вася ещё раз восхитился подготовке Алеси.

— Что за объект? — спросил Вася, и в голосе его чувство-

валась сдержанность опытного агента, которому не впервой получать задание.

— Узнаете на месте, — Алеся сложила карту и протянула Васе. — Адрес на бумажке. Как доберётесь... бумажку съесть.

Вася взял бумажку. Посмотрел. Кивнул. Спрятал во внутренний карман с таким серьёзным видом, будто это был ядерный код.

— Теперь, — голос Алеся стал чуть другим, и Вася рефлекторно поджал ягодицы, — теперь слушайте внимательно. И лучше запомните. Оба.

Романыч мгновенно принял стойку «слушаю очень внимательно». Это выражалось в том, что он вытянул шею и моргать практически перестал. Дышал через раз и исключительно левой ноздрёй.

— Никакой самодеятельности, — сказала Алеся.

— Разумеется, — кивнул Вася.

— Вася, — Алеся посмотрела на него, — я серьёзно.

— Так и я не Харламов, — Вася даже немного обиделся.

— Что ж я? Не понимаю?

— Наблюдение. Только наблюдение. Смотришь, записываешь, возвращаешься. Без инициативы.

— Принято, — отчеканил Вася.

— Никуда не лезешь.

— Не лезу.

— Ни к кому не подходишь.

— Не подхожу.

— Не разговариваешь с объектом.

— Молчу как рыба, — Вася даже рот рукой показал, как его закрывают. — Да я и французского ихнего не знаю.

— Не трогаешь ничего руками.

Вася немного задумался. Алеся сильно напряглась.

— Хорошо, — Вася убрал руки под стол.

— Если что-то покажется подозрительным, ты это просто записываешь. Не трогаешь. Не нюхаешь. Не пробуешь. Не разбираешь. Не бросаешь в микроволновку. Просто. Записываешь. Это понятно?

— Так точно, — сказал Вася.

Романыч кивнул с таким рвением, что из глазниц едва не выпыпадали хрусталики.

— Алеська, — Вася поднялся во весь рост, отчего стул отъехал назад. — Я понял. Честное слово даю. Вася из Алупки слов на ветер не бросает. Один раз против ветра попробовал нужду справлять, но это другое. Да и эксперимент вышел провальным.

Алеся долго смотрела на него. С каким-то сложным выражением лица. Вася и представить не мог, что Алеся размышляла о том, чего она в своей прошлой жизни такого сделала не так, раз жизнь нынешняя выглядит... как Вася.

— Идите, — сказала она наконец.

Вася начал было движение, но быстро развернулся и вытянул в сторону Алеся растопыренную пятерню.

— Оперативный журнал, — сказал он серьёзно. — Мне нужен оперативный журнал. Блокнот есть? Или извольте выдать нам командировочных. На покупке блокнота.

Алеся без слов достала из ящика небольшой блокнот в клеточку. Розовый. С котиком на обложке.

Вася посмотрел на врученное сокровище с некоторым подозрением.

— Сойдёт, — сказал Вася и убрал блокнот во внутренний карман. — И ручку.

Алеся протянула руку для поцелуя.

— Шариковую, — добавил Вася.

— Да пошёл ты, — тут же выругалась Алеся. — Деградирую с тобой. Валите уже.

Получив вдогонку аж две шариковые ручки, Вася и Романыч ушли.

Алеся тихонько постучала лбом о косяк. Раз. Другой. Третий. Потом выпрямилась, допила кофе и пошла собираться по своим делам.

Вася же и Романыч гордо вышагивали по ни в чём не повинному Брюсселю. Карту Вася держал перед собой на вытянутых руках. Серьёзно так. Аж двумя руками.

Романыч хотел было осторожно Васе намекнуть, что они уже дважды прошли мимо одной и той же булочной, и продавец в витрине начал их узнавать и даже немного махать рукой, но решил не лезть к старшему по званию.

— Нам туда, — внезапно изрёк Вася и убрал карту под

мышку.

Романыч немедленно пошёл следом. Потому что, когда человек идёт вот так уверенно, как загалашал Вася, он либо знает куда, либо очень хочет, чтобы так казалосъ. В обоих случаях оставаться на месте было бесполезно.

Они шли. А Романыч всё пытался приметить признаки того гниения, о каком не только Вася талдычит, но и телевизор никак заткнуться не может. Вот только... не замечал. Брюссель вокруг жил своей утренней жизнью. Неторопливой, сытой, пахнувшей кофе и свежей выпечкой. Велосипедисты объезжали их не сигналиа. Прохожие расступались без возмущения. Официант у кафе улыбулся и сказал что-то по-французски. Романыч кивнул ему с видом человека, который всё понял и оценил, но сейчас занят. И так приятно стало на душе. Так... необычно.

— Романыч, — выгацил из грёз Романыча Вася. — Мы, кажется, уже здесь были. Эти наглые рожи я точно помню. Улыбаются ещё, сволочи. Видишь, Романыч, какие гнилые душонки у здешних. Поняли, что мы заблудились, и радуются этому. Нет. Нету здесь культуры, Романыч.

Вася огляделся вокруг. Не помогло. Вася поглядел наверх. Шея затекла. Поглядеть вниз с затёкшей шеей было непросто, но Вася справился. Правда, всё без толку. Тогда Вася вновь достал карту и уставился в неё с утроенной серьёзностью. Смотрел долго. Потом медленно, очень медленно, начал поворачивать. Градусов на девяносто. Потом ещё немно-

го. Остановился.

— Мы шли не на юг, — сообщил он Романычу таким тоном, каким сообщают о неисправности оборудования. — Мы шли на юго-запад. Это меняет диспозицию. Нам туда. На юго-восток, Романыч.

Романыч решил ничего не уточнять. Это было продуктивнее.

На юго-восток они шли ещё минут двадцать. Потом Вася остановился перед перекрёстком, достал бумажку с адресом, сравнил её с табличкой на стене, сравнил ещё раз, убрал бумажку и произнёс:

— Пришли.

Романыч огляделся. Они стояли на небольшой площади. Площадь была старой, мощёной, с домами в два-три этажа вокруг. Пахло сыростью и отдалённо кофе. Романыч пришёл к выводу, что здесь везде пахло кофе. Кофе Романыч любил.

Посреди площади что-то было. Вася уже шёл туда. Романыч плёлся следом.

Народу вокруг было немного. Ещё утро, туристы только подтягивались. Несколько человек с фотоаппаратами. Парочка, сверяющаяся с телефоном. Пожилой мужчина с путеводителем.

Вася остановился.

Романыч встал рядом.

Перед ними, за невысокой фигурной оградой, на постаменте стоял мальчик. Небольшой. Ростом примерно по ко-

лено взрослому человеку. Мальчик был совершенно голым и был запечатлён в процессе... нет, даже не в процессе, а в самом разгаре естественного и физиологически понятного действия, которое принято совершать в специально отведённых местах.

Женщина рядом сфотографировала его и засмеялась. Её муж тоже засмеялся. Они сделали ещё несколько снимков с разных ракурсов. Потом пошли дальше.

Вася молчал.

Романыч моргнул. Потом ещё раз. Посмотрел на мальчика. Потом на табличку у постамента. Потом обратно на мальчика.

Вася продолжал молчать. И, надо отметить, это было действительно редкостью.

Мимо прошла группа туристов с экскурсоводом. Экскурсовод что-то весело рассказывал на буржуйском языке, группа смеялась. Кто-то достал телефон. Кто-то встал рядом со статуей и попросил сфотографировать.

Вася смотрел на это молча. С выражением человека, который методично складывает картину происходящего, и картина эта складывается, и он не уверен, что рад тому, что сложилась.

— Романыч, — сказал он наконец тихо, очень тихо, — ты это видишь?

Романыч видел. Романыч, собственно, не мог не видеть. Они стояли в двух метрах. Но хотелось бы всё это обратно

развидеть.

— Мальчонка, — закипал Вася, — голожопый... за решёткой... дудонит... и все... все смотрят! И фотографируют! И смеются! Среди бела дня! Детей ещё, суки такие, притащили! Да я ж вас....!!!

Романыч как заправский нинзя Васю за руку схватил и увёл от статуи к лавочке подальше. Ничего особо не говоря, Романыч Васе в нос буквально ткнул розовым блокнотом. И Васе стало стыдно.

— Я понимаю, — обречённо произнёс он, — я всё понимаю, Романыч. Не первый день на свете живу. Это у них называется искусством. Я знаю. Слышал.

Романыч немного выдохнул. Сильно и много выдыхать Романыч не любил. Вот так за один раз выдыхнешь всё, а на потом не останется. А вдруг надо будет ещё выдыхать?

— Понимаю. Всё понимаю. Вот только ты мне скажи, Романыч, — Вася обернулся к нему, и вид у него был совершенно серьёзный, без тени иронии. — Это ничего, что пацан голый? На улице? За решёткой? И все ходят, смотрят, ржут? Детей приводят? Это нормально, по-твоему?

Романыч открыл рот. Закрыл. Посмотрел на статую. Потом на туристов. Потом на Васю.

И вдруг понял, что у него нет хорошего ответа. Не потому что Вася был прав. Романыч был человеком здравым и в целом понимал, что перед ним исторический памятник, символ города, туристическая достопримечательность, которой

несколько веков. Всё это он понимал. Но вот сформулировать это в ответ на Васин вопрос, именно сейчас, именно с таким Васей напротив, у Романыча не получалось. Потому что Вася смотрел на него так, как смотрят на человека, от которого ждут подтверждения очевидного. А очевидное у Васи было своё.

И Романыч кивнул. Так, как умел. Но быстро сообразил, что от него сейчас требовалось не кивать, а мотать головой. И он замотал с утроенной силой. Заодно очистил уши от серы, разлетевшейся по сторонам от таких мотаний.

Они постояли ещё немного. Рядом прошёл японский турист с камерой размером с небольшую подзорную трубу. Остановился. Долго и методично фотографировал со всех возможных точек. Потом ушёл.

Вася проводил его взглядом.

— Наблюдать, — коротко, но ёмко напомнил себе Вася.

Он ещё раз оглядел площадь. Вздохнул. Достал из внутреннего кармана розовый блокнот с котиком. Открыл на первой странице. Достал ручку. Написал вверху «ОПЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ» печатными буквами. Подчеркнул дважды. Посмотрел на часы. Написал время. Оглянулся на Романыча.

— Занимаем позицию, — сказал он деловито. — Вон там. Видно хорошо, и нас не особо.

Они заняли позицию на скамейке наискосок от статуи.

— Задание есть задание, — сказал Вася, устраиваясь и кладя блокнот на колено. — Такая работа.

Романыч кивнул и тоже устроился. Скамейка была холодной, но терпимой. Романыч поднял воротник.

Вася занёс ручку над блокнотом.

Посмотрел на статую.

Статуя стояла. Делала своё дело. Как делала его, судя по виду, уже несколько веков: невозмутимо, последовательно и не обращая внимания на окружающих.

Вася начал писать. Даже язык слегка закусил. Одну ручку сломал от усердия, но Алеся, что значит профессионал, недаром вторую дала. И тут Вася уже писал с осторожностью. Но тщательностью такой, что однажды он даже вынужден был подойти к стоящим у фонтана и попросить их не так активно махать своими конечностями, ибо Вася записывать все их телодвижения не успевал.

Романыч смотрел на Васю с восхищением. Многого он не понимал в устройстве страны своей. Многое ему не нравилось. Но стоило ему только взглянуть на Васю, послушать речей его, как сразу ясно становилось... Не пропадёт Россия, покуда проживает в ней хотя бы один такой вот Вася из Алупки.

Глава 6

В семь вечера площадь была уже совсем другой. Ну, как «другой» – физически ничего не поменялось, что естественно. Тут плитку каждый год не перекладывают. Хорошенько нечему.

Бездельники, они же туристы, ушли. Остались несколько смятых бумажек, чей-то забытый стаканчик от кофе у скамейки. И двое самых секретных агентов. И мальчик. Ему попросту некуда было бежать. Хотя и очень хотелось.

Вася сидел на скамейке и смотрел. Опасно так смотрел. Недобро.

Оперативный журнал лежал рядом, закрытый. Последняя запись была сделана в шесть сорок три.

«18:43. Немец с картой. Подозрительный. Шпрехал мало. Смотрел молча. Оглядывался. Что-то недоброе замыслил. Спешно ушёл, стоило мне только многозначительно так на него посмотреть».

На этом Вася писать перестал. Просто смотрел.

Романыч стоял чуть в стороне, привалившись плечом к стене. Руки в карманах. Воротник поднят. Он тоже смотрел на мальчика. И думал о том, о чём думал уже минут тридцать, а может и сорок. Думал и не мог перестать, хотя очень хотел бы. Потому что мысль была неудобная. Из тех, которые, если начать их думать, до добра никогда не доводят. По-

следний раз, когда он вот так вот думал, он женился. Тогда казалось, как благородный человек. Сейчас понятно, что как обыкновенный осёл.

Часы на телефоне показали девятнадцать ноль-ноль.

— Фенита ля комедия, Романыч, — сказал Вася, но даже не пошевелился.

Помолчали.

Мальчик же стоял в своём загончике, за невысокой кованой оградой и... дудонил в своё удовольствие. Как всегда.

— Романыч, — сказал Вася, и в этом слове сказано было абсолютно всё.

По крайней мере, Романыч всё отлично уловил. Посмотрел на Васю. Вася не отрываясь смотрел на мальчика. Лицо у него было такое... такое... ну вот когда всем понятно, что надо за второй идти, но решиться никто не хочет.

Романыч вздохнул.

Не тяжело. Не с сожалением. Просто вздохнул. Загнал кислорода в лёгкие, чтобы потом выплюнуть уже совсем иные газы.

Вася наконец обернулся. Посмотрел на Романыча. Кивнул. Коротко, серьёзно, как кивают люди, которые только что без слов договорились о чём-то важном.

Они не ушли.

Стемнело окончательно где-то в половине девятого. Площадь почти опустела. Редкие прохожие шли по краю, не задерживаясь. Ресторанчик на углу светился и гудел голосами,

но это было далеко и не в счёт.

Вася и Романыч переместились в тень. Их всё ещё пре-
красно было видно, но тень — она тень и есть. Все тайные
мероприятия принято было проводить из тени. Принимал
это Вася самолично и иных версий не уважал.

Когда последний прохожий завернул за угол и площадь
окончательно перешла под контроль секретных агентов, Ва-
ся из себя изрёк:

— Ну, за дело.

Они вышли из тени и подошли к ограде.

Вблизи, при фонарном свете, мальчик был ещё меньше,
чем казался днём. И ещё более голым. Это было фактом. К
тому же ночью глядеть на детишек без одежды совсем только
маньяки могут. Потому Романыч глаза закрыл. Ибо манья-
ком он никогда не был.

— Ща мы его одевать будем, — констатировал Вася.

Романыч чуть приоткрыл правый глаз и огляделся. Левым
глазом он смотреть всегда отказывался, ведь никогда не при-
держивался левых взглядов.

Детской одежды в округе, отчего-то, обнаружено не было.

Вася думал секунд десять. Потом принял решение. Деся-
ти секунд порой достаточно для спасения не только голожо-
пых мальчишек, но и целой страны. Вася это знал. Вася это
умел.

Он взялся за низ тельняшки и стянул её через голову од-
ним движением. Стал держать в руках. Посмотрел на тель-

няшку. Потом на мальчика. Тельняшка была старая, стиральная, правильная. Синие полосы чёткие, горловина растянутая, но в меру. Настоящая тельняшка. Не та, что продают кому попало в магазинах. Те Вася даже в руки брать не стал бы. Это своя. Привезённая в Алупку с мест прохождения службы.

Мальчик был маленький. Тельняшка была на Васин размер. Вася смотрел на мальчика ещё секунду.

— Нет, Романыч, — сказал он с такой решимостью, что Романыч открыл оба глаза, — тельняшка, она не каждому, знаешь ли. Тельняшку заслужить надо.

Романыч подумал, чем Бог послал, и кивнул. Потому что в этом была своя логика. Васина, особенная. Мальчик был, конечно, милый. Мальчик был символ. Но тельняшка... Тельняшка это ж биография. Это целая история. Это Чёрное море в июле. Это дед, который бил нацистов, хотя и был рождён в 46-м. Это отец, который не бил, но повторить мог. Это сам Вася, который в первый свой прыжок оставил парашют инструктору и просто сиганул с борта. Тельняшку не повяжешь на первого встречного. Даже если очень надо.

Вася натянул тельняшку обратно.

Романыч, не дожидаясь слов, уже расстёгивал куртку. Снял её. Снял свитер. Снял майку. Белую, хлопковую, обыкновенную. Надел свитер и куртку обратно. Протянул майку Васе.

Вася взял, осмотрел – майка была нормальная. Не новая,

безусловно, но целая. Мальчик этот вон тоже поношенный был.

— Великовата будет, — Вася оценивающе глядел на предмет гардероба. — Держаться не станет. Будем рвать. Тогу сделаем. Как у римлян. Благородно, хоть и не по-нашенски. Ему подойдёт. Он тоже не ахти славянин.

Вася взялся за майку двумя руками и дёрнул. Ткань поддалась с характерным звуком, который в тишине ночной площади показался неожиданно громким. Оба на секунду замерли. Прислушались. Тихо.

Вася рвал методично. Сначала по шву, потом наискосок, потом ещё. Романыч смотрел и время от времени кивал. Когда Вася закончил, в руках у него было несколько длинных полос белой ткани.

— Перелазим, — скомандовал Вася.

Ограда была, как уже было установлено в ходе дневных наблюдений, невысокой. Декоративной. Вася перешагнул её без труда. Поставил ногу на завиток, перекинул другую, прыгнул внутрь. Получилось почти бесшумно. Почти.

Романыч перелезал дальше. Романыч был человеком основательным и в физическом смысле тоже. Нога зацепилась за завиток. Потом другая нога. Вася поймал его за рукав в нужный момент. Романыч приземлился, выдохнул, одёрнул куртку.

— Тихо, — сказал Вася на всякий случай. Сказал довольно громко.

Вблизи мальчик был совсем небольшим. Хороший мальчик. Правильное лицо — серьёзное, не ухмыляющееся. Вася это оценил. За такое лицо он мальчика мысленно уважил. Этот мальчик точно в телефонах не сидел и покимонов по церквям не ловил.

Вася примотал первую полосу вокруг бёдер. Потом вторую через плечо, как задумывал. Потом третью, чтобы держалось. Завязал сзади. Потом подвернул спереди, потому что свисало. Потом снова завязал.

Романыч стоял рядом. Молча. Слаженно. Как ассистент в операционной.

Вася отступил на шаг. Посмотрел.

— Совсем другое дело, — сказал Вася довольным до безобразия тоном.

Романыч посмотрел. Кивнул. Определённо лучше.

Они постояли секунду. Молча постояли. Вася смотрел на мальчика. Потом медленно обошёл постамент кругом. Спереди. Сбоку. Сзади. Снова сбоку. Снова спереди.

Остановился.

На лице у него было выражение художника, который отошёл от холста и вдруг понял, что что-то не так. Не с деталями. С концепцией.

— Вот ведь дряньство, — выругался он, — ссать-то он не перестал. Так и моросит людям прямо в рожи, так сказать.

Романыч посмотрел на мальчика. С учётом тоги, было уже не особо видно, если честно. Но Вася явно намерен был си-

туаацию менять в корне. Если уж берёшься за дело, так доводи до конца. А не собираешься в конец доводиться, так нечего и теребонькать тогда.

— Разворачивать его будем, — заявил Вася. — Нечего срамом на людей светить. Пусть постоит. Подумает.

Это было произнесено с совершенно родительской интонацией. Так говорят детям, которых ставят в угол. Без злобы. С воспитательным смыслом. Хотя Васю всё чаще ставили на горох. Зелёный консервированный.

Вася зашёл сбоку и взялся за постамент. Постаменту было, если уж совсем откровенно, чхать на потуги Васи. Вася взялся крепче. Упёрся ногой. Потянул.

— Подсоби-ка, — бросил он Романычу.

Романыч зашёл с другой стороны и тоже взялся. Они тянули секунд двадцать. Постамент был вкопан, привинчен, забетонирован... В общем, был самым наглым образом недвижим. Мальчик стоял ровно там, где стоял несколько веков, и никуда поворачиваться не собирался.

Вася отпустил. Выпрямился. Потёр руки.

— Крепко сидит.

Помолчали. Подождали, пока озарение соизволит снизойти. И оно соизволило. По крайней мере, Вася для себя так решил.

— Значит, вот так ты, да? Ну, хорошо. А мы конём пойдём.

Романыч не сразу понял. Вернее, он сразу не понял. Ка-

жется, что разницы нет или она невелика, однако, Романыч именно «сразу не понял». Ведь понимание к нему так и не пришло. Хотя очень стремилось.

Вася уже шёл к мусорному баку у края площади. Бак был большой, зелёный, на колёсах. Это было удачей. Вася доказал ему до ограды, перекинул через неё. Бак грохнул так, что оба агента замерли.

— Маловато будет, — резюмировал Вася.

Посмотрел по сторонам и увидел на углу рекламный щит. Большой. На металлической подставке. На щите была улыбающаяся женщина и что-то по-французски. Цепь, на которую щит был прикован, сильной помехой не стала. Вася подковы на спор разгибал. А тут... цепочка.

Он принёс щит и поставил сбоку. Вышел за ограду. Остановился метрах в трёх. И стал оценивать.

Мальчик в белой тоге теперь стоял за зелёным мусорным баком и рекламным щитом.

Романыч встал рядом с Васей.

Оба смотрели молча.

— Вот теперь... по-людски, — выдохнул Вася.

Домой они шли с гордо поднятыми головами. Особо не трепались. Всё уже было сказано делами, руками.

Брюссель ночью был другим. Не хуже и не лучше. Другим. Днём он был туристическим и суетливым, с картами и фотоаппаратами и экскурсоводами. Ночью он был просто городом. Фонари. Запах из вентиляции ресторанов. Коты на под-

оконниках. Крайне редкие прохожие.

Романыч на ходу поднял воротник. Вечер был сырой. Ноги гудели. Они провели на ногах весь день, считая утренние блуждания с картой. Романыч подсчитал примерно и решил, что лучше точно не считать.

— Алеська нас убьёт, — в тишине прогремел Вася. — Сильно-сильно убивать будет. Может даже с наслаждением.

Вася собирался своей кураторше правду говорить. Ну? А чего юлить? С другой стороны, правда в данном конкретном случае звучала не то чтобы очень здорово. Зато была исчерпывающей. Хотя и, мягко говоря, непростой для восприятия.

Романыч промолчал. Потому что добавить было нечего.

Они вышли на их улицу. Окна конспиративной квартиры горели. Значит, не спит. Значит, ждёт.

Вася остановился у двери подъезда. Достал ключ. Потом убрал. Обернулся к Романычу.

— Слушай, — сказал он, — журнал давай сюда. Доклад делать буду. Мы ж тоже профессионалы. Пусть сначала услышит, что мы дело своё сделали. А потом уж...

Вася взял блокнот. Выпрямился. Одёрнул тельняшку. Посмотрел вверх, на горящие окна. Вздохнул. Не тяжело, а просто как человек, который настраивается.

— Ну, вздрогнем, — напутственно произнёс он.

Алеся открыла дверь раньше, чем они успели позвонить. Это было красноречиво само по себе. Значит, слышала ша-

ги на лестнице. Значит, ждала у двери. Вероятно, уровень ожидания был таков, что она предпочла встретить сама, а не ждать пока позвонят.

На ней был тот же свитер, что утром. Волосы уже распущены. Смотрела на них. Перевела взгляд на часы на стене за своей спиной. Потом вновь вернула на Васю. Следом на Романыча.

— Дискалькулией страдаем? — поинтересовалась она елейным тоном.

— Это когда марки собирают? — с любопытством отреагировал Вася.

— Когда чисел не различают! — гаркнула Алеся.

— Аaaa, — протянул сотрудник несуществующих спецслужб, — будет принято к сведению.

— Вы где были? — Алеся отстранилась, позволяя горе-агентам войти внутрь квартиры.

— На объекте.

— Объект вы должны были покинуть в девятнадцать ноль-ноль.

— Возникли обстоятельства, — сказал Вася, снимая ботинки. — Непредвиденные. Оперативного характера.

Романыч зашёл следом и немедленно начал старательно снимать куртку, потому что снятие куртки — это занятие, которое требует смотреть в другую сторону и некоторое время не участвовать в разговоре.

Алеся закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Скре-

стила руки.

— Какого характера обстоятельства, Вася?

— Оперативного, говорю же, — Вася вошёл на кухню, сел за стол и положил перед собой блокнот. — Объект был идентифицирован, позиция занята, наблюдение начато в десять ноль-семь. Фиксировалась активность в районе объекта на протяжении всего светового дня.

Он поднял взгляд на Алесю.

— Ты, это, садись... тут долго рассказывать.

Алеся некоторое время стояла в дверях кухни. Потом, с выражением человека, который принял решение выслушать прежде, чем реагировать, села напротив.

— Ну рассказывай.

— К объекту за день приближалось... — Вася полистал блокнот, — семь... девять... четырнадцать... значительное количество лиц. Туристы, организованные группы. Японцы особо. Их там целая делегация была в обед. У каждого аппарат. В массе своей не представляют интереса. Но среди них точно были агенты Триады.

— Якудзы, тогда, — машинально поправила Алеся.

— Не, — Вася почесал ухо, — пешком были. На мотоциклах никого.

— Ой-ей, — Алеся просто махнула рукой, призывая Васю продолжать.

Вася поёрзал на стуле, нутром своим ощущая, что что-то идёт не так.

— К обеду я пришёл к выводу, что объект имеет стратегическое значение. Явная точка агентурной сети. Я это подчеркнул, вот, — он развернул блокнот и показал запись, — это я ещё днём понял.

Алеся смотрела на блокнот. На Васю.

— Хорошо, — сказала она аккуратно, — это всё понятно. Но вы должны были вернуться в семью. А сейчас почти одиннадцать. Объясни мне этот промежуток.

Вася закрыл блокнот. Сложил руки на столе. Посмотрел на Алесю прямо. Криво Вася смотреть не умел, хотя практиковал в юности этот навык.

— Пацана одели, — уверенно и твёрдо заявил Вася.

Тишина либо повисла, либо повесилась. Но звенела она явно и громко.

— Я вот сейчас пожалею, но... что, прости? — чуть не заплакала Алеся.

— Пацана. Одели, — Вася повторил спокойно и отдельно. — Который за решёткой. Голый стоит. А все ходят смотрят, фотографируют. Нехорошо это. Не по-людски. Романыч майку пожертвовал, мы тогу сделали. Римскую.

У Алеси задёргался глаз. Не сильно. Размашисто.

— Римскую... — каким-то странным тоном повторила девушка.

— Не, ну майка-то русская. Из Турции привезена. И это, — Вася хлопнул себя по лбу, — чюльончик-то прикрыли, но он же продолжал... фонтанировать, так сказать. А там бак

мусорный был поблизости и щит рекламный. Прикрыли мы мальчонку. Чтоб не глазели. Ему там стоять, но он же не обязан терпеть, что все пялятся.

Алеся не двигалась. Она сидела очень прямо и смотрела на Васю. Романыч как-то видел такой взгляд. Ровно вот таким взглядом на него Александра Мартыновна смотрела в восьмом классе. Вот точно таким же. Он тогда, во имя светлых идей, для живого уголка двух выдр притащил. Светлая память всему уголку. Но выдры ушли невредимыми. А Александра Мартыновна — без четырёх пальцев и кончика носа.

— Вася, — сказала Алеся наконец.

— Ну.

— Это памятник.

— Я понимаю, — кивнул Вася.

Алеся чуть выдохнула. Но оказалось, что преждевременно.

— Памятник, — продолжил Вася, — в честь пацана. Который вот так стоял. Голый, за решёткой, и все смотрели. Увековечили, значит. Мы это безобразие и исправили. Сделали по-человечески. Честь имеем.

— Вася. Это. Скульптура, — Алеся говорила теперь очень медленно и очень тихо. — Это произведение искусства. Ему четыреста лет. Это символ города. Его знает весь мир. Туристы со всего мира едут специально чтобы его увидеть.

— А я о чём и говорю, — возразил Вася. — Весь мир едет смотреть на голого пацана за решёткой. Где ж такое видано,

а? Вот у нас. Матрёшка там. Чебурашка этот. Дядя Стёпа. Ленин, в конце-то концов. Ну его ж одетым положили. Смотри на здоровье. А тут... срамота.

Алеся закрыла глаза. Романыч насчитал про себя до восьми. Алеся глаза открыла.

— Вы, — сказала она, — обложили баррикадой. Манекен Пис.

— Чего?

— Манекен Пис. Так называется памятник.

Вася на секунду задумался.

— «Пис», это про мир во всём мире, — сказал он, — это я знаю. Одобряю. Хорошее название.

— Вася... Манекен Пис — это главная достопримечательность Брюсселя. Это национальный символ Бельгии. Вы его обложили мусорным баком.

— И рекламным щитом, — добавил Вася для полноты картины.

Но не успел он закончить фразу, как Алеся схватила с холодильника магнитик и швырнула им в Васю. Вася ловко, одним движением, магнитик перехватил.

— Вася, — голос девушки стал совсем ровным, что было, по наблюдению Романыча, значительно хуже, чем если бы она кричала, — ты понимаешь, что сейчас будет?

— Доложишь Главному, — Вася пожал плечами. — Понимаю. Отошли от инструкций. Принимаю ответственность. Но отмечу, что само задание выполнено безукоризненно.

— Вася! — не выдержала Алеся и закричала. — Вася!!! Сейчас сюда такие «главные» придут, что плакал мой ПМЖ.

Вася не особо понял, при чём тут все эти «женские штучки», но решил Алеся успокоить.

— Алеська, я понимаю, что ты злишься. Имеешь право. Задание было наблюдать. Я нарушил. Но ты мне вот что скажи. Ты сама-то как? Нормально тебе было знать, что он там стоит голый и никто ничего? Ты вот лично?

Алеся открыла рот. И закрыла. Что-то в её лице на долю секунды сделалось другим. Не мягче. Нет. Просто другим. Как будто где-то в самом дальнем и хорошо охраняемом углу мелькнуло что-то живое, которое она немедленно взяла под стражу и закрыла обратно.

— Это. Статуя. Дебилка ты картонная, — сказала она с расстановкой.

— Так и я не говорю, что он живой, — согласился Вася. — А разве статуя не должна быть... приличной.

Романыч это услышал первым. И даже чуть втянул голову в плечи. Потом откуда-то снаружи, не близко, но отчётливо, донёлся звук.

Сирена.

Одна. Потом, через паузу, ещё одна.

Все трое замолчали.

Сирены приближались медленно. Но неумолимо.

— Ну что... кутюрье, бл@дь, замороженные, — обречён-

но осела на пол Алеся, — сейчас вам будут новый фасон примерять.

Глава 7

Сирены не торопились. Вася это сразу заметил. Такие неторопливые были эти европейские сирены. Уже сам этот факт возвышал мастерство российских ментов над этими изнеженными полицаями. Да попробуй в России тронь статую Главного. Сядешь. Сначала на стеклотару какую, а потом ещё и лет на двадцать в тайгу медведям пятки целовать. И не играло никакой роли, что подобных статуй ещё и нет ни в одном городе. За саму мысль посадить можно. Тем более, что статуй нет, а лики Его Главнейшества в церквях уже присутствуют. Тут получается не только оскорбление власти идёт, но ещё и чувств, так сказать, особо верующих.

— Не спешат, — сказал он Романычу, — наши бы из нас уже всю дурь выбивали.

Романыч в ответ ничего не сказал. Романыч думал о другом. Романыч думал о том, что жена всегда говорила, мол, добром это не кончится. Что уж там конкретно было этим «это», она прямо не говорила. Но Романыч всегда догадывался, что это она, непутёвая, о дружбе с Васей говорила. Но сейчас эти слова вдруг обрели совершенно новый и исчерпывающий смысл.

Алеся сидела на полу там, где осела. Смотрела в одну точку. В точке ничего интересного не было, но Алеся всё равно смотрела. Ей пришло осознание, что точку эту она больше

никогда не увидит.

Сирены тем временем стали отчётливее. Потом мигнули синим сквозь занавески.

— Примчали, голубчики, — констатировал Вася.

— Да ты гений, — не меняя позы отозвалась Алеся.

Вася посмотрел на неё. Потом на окно. Потом снова на неё.

— Ты это, родненькая... не переживай. Я сам буду говорить. Умею я с этим братом разговаривать. Дома, знаешь, у меня участковый...

У Алеси задёргался глаз. Тот же, который уже упражнялся сегодня вечером.

— Вася, — сказала она очень спокойно, — ты не знаешь языка... но всё равно заткнись, пока не спросят.

— Есть «заткнуться». Так точно «заткнуться». Будет исполнено «затк...».

— Заткнись, сука!!! — чуть не взревела Алеся.

Звонок в дверь был вежливым. Это тоже было показательным. Наши бы уже ногой. А эти, смотри чего, динь-дон. Правильно про них по телевизору говорили — совсем скисла Европушка.

Вася одёрнул тельняшку. Выпрямился. Кивнул Романычу — держись. Романыч держался. За спинку стула. Обеими руками. Так, что аж пальцы побелели.

Алеся поднялась с пола. Подошла к двери.

За дверью стояли двое. Форменные куртки, фуражки, спо-

койные лица. Говорили, конечно же, на французском.

— Бонсуар, — сказал первый, — мадам, нам поступил сигнал...

Алеся говорила с полицейскими быстро, негромко, с интонацией человека, который пытается локализовать пожар, пока он ещё небольшой. Полицейские слушали. Кивали. Один что-то записывал.

— Чего он там ауфшрайбает? — тихо спросил Вася, — чёртиков, поди, рисует. А я черепашек-ниндзя всегда рисовал в тетрадках. Эх, помню, влетело мне от Ирины Серг...

— Завали пищеприёмник, — Алеся чуть не пнула Васю, — говорят, что у статуи зафиксировано проникновение. Всё на камерах есть.

— А я своего разрешения не давал, — с умным видом заметил Вася, — я такое в интернете видел. Не имеют права.

— Вася, помолчи, кусок ты...

— А я и молчу.

Вася молчал секунд восемь. Это был личный рекорд.

— Слушай, — сказал он затем, — ты им там объясни. Мы не просто так. Мы по делу. Пусть поймут.

— Вася.

— Ну что «Вася»? Я говорю, объясни им. Пацана одели. Доброе дело сделали. Это ж не преступление.

Один из полицейских, который записывал, поднял взгляд на Васю. Потом вопросительно на Алеся.

Алеся закрыла глаза. Открыла. И сказала что-то по-фран-

цузски.

Полицейский кивнул. С пониманием посмотрел на Васю. Потом — снова на Алесю. Спросил что-то уточняющее.

— Чёйта он так зыркнул, словно у меня любимый пёсик сдох? — спросил Вася.

— Спрашивает, давно ли у тебя это, — сквозь зубы сказала Алеся.

— Чего «это»?

— Татуировки, Вася. Я тебя прошу. Иди на кухню.

— Зачем мне уходить. Человек искусством интересуется.

И Вася направил в лицо офицеру полиции свой внушительный кулак с криво выбитыми там буквами.

Второй полицейский, который до этого молчал, вдруг заговорил. Спокойно, но конкретно. Алеся ответила. Он ответил ей. Она ответила снова. Разговор стал деловым. Даже Романыч это отметил. Он быстро схватывал такие перемены. Когда вроде бы уже всё. А тут. Бац. И поживём ещё.

Алеся обернулась.

— Вася, — сказала она, — они хотят поговорить с вами обоими. В участке.

Вася кивнул. Серьёзно, как кивают люди, которые к этому были готовы.

— Понял. Хотят узнать контакты кольца. Я вспомнить, конечно, попытаюсь. Но обещать не буду. Мне это в третьем классе кололи. Сосед по парте. На уроках труда.

— Вася, тебя задерживают.

Алеся посмотрела на него долго. Потом на Романыча. Романыч в этот момент делал вид, что его в комнате нет. Получилось не очень. Романыч был человеком заметным, и спрятаться за спинкой стула у него не выходило при всём старании.

— И его тоже, — добавила Алеся.

Вот всё-таки Европа неправильная какая-то. Даже задерживать преступников нормально не умеют. Ласково так, с улыбкой просят пройти до патрульной машины. Извиняются по десять раз. Коснуться тебя боятся.

Ну куда такое дело годится? Разве страж закона, блюститель порядка, стена от криминала — может вот так себя нежно вести? Да такого воспитанного первый же гопник разделет и пустит бегать по дворам да ягодичками светить.

Но было у Васи подозрение, что такое поведение полицейских неспроста демонстрировалось. Выпячивалось вперёд. Нарочито. Чтобы Вася заметил. Чтобы Вася... расслабился.

Вот ведь гады хитросыгранные! Васю обмануть решили! Ещё и мороженым угостили по дороге. Даже Романычу купили, хотя он и пытался отказаться. У Романыча непереносимость лактозы. Но Алеся пригрозила ему, что мороженое в любом случае внутрь Романыча попадёт, а уж через какое отверстие — выбирать ему. Мороженое Романыч скушал.

До самого кабинета следователя все остальные плакали.

Комната для допросов была устроена разумно. Ничего лишнего. Стол. Стулья. Лампа. Правда, лампа была не в ли-

цо, а просто лампа, как лампа. Камера в углу под потолком. Стакан воды на столе. Всё это Вася изучил и постарался запомнить.

— Даже наручниками не пристегнули, — многозначительно заметил он Романычу.

Романыч огляделся. Кивнул. По сравнению с вытрезвителем номер четыре на улице Строителей тут сказка была. Апартамент-отель. Аквадискотеки не предвиделось, но всё же лучше, чем там. Там даже воды не давали. Там вообще много чего не давали. А вот звездюлей раздать — это «милости просим».

Следователь вошёл через три минуты. Аккуратный мужчина лет сорока пяти. Усталый, но не злой. Усталость, оно понятно, накопленная за годы работы с людьми, которые в половине двенадцатого ночи одевают городские памятники в римские тоги.

Хотя, если быть честным, такое он видел впервые.

За следователем вошла Алеся. Её попросили переводить официально. Она подписала какую-то бумагу. Долго что-то обсуждала с нетоварищами полицейскими. Вася отчётливо разобрал несколько раз слово «доктор». Приболел следователь, видать. Жалуется Алеське. Ох и слабенькая вся эта Европа.

Следователь открыл папку. Посмотрел на обоих. На Васю — чуть дольше. Оно и понятно. Всё ж таки Вася рангом повыше будет.

— Итак, — сказал он по-французски, — имена.

Алеся перевела.

— Вася, — сказал Вася, выпрямился и добавил с весомостью, — Вася из Алупки. Истинный гражданин и настоящий патриот.

Алеся почему-то повторила, обращаясь к следователю, только имя Васи и ещё одно, какое-то странное. Вася впервые его слышал, а Романыч отчего-то кивнул.

— Гражданство?

— Российское, — Вася кивнул, — чем непременно горжусь. Можете записать оба факта.

Следователь записал.

— Цель визита в Бельгию.

— Чья цель?

— Твоя, Вася, — Алеся злилась, но вида не подавала.

— Так я в Бельгию не хочу. Чего я там забыл?

Следователь вопросительно посмотрел на Алеся. Та спешно стала что-то объяснять, отчего у бедного французика брови поползли вверх.

— Чего припёрся, спрашивает? — Алеся злобно зыркнула на Васю.

Вася в этой злобе и каком-то особом взгляде мастерски распознал шифр. Надо было легенды придерживаться. А уж это он умел. Это он по телевизору видел.

— Туристы мы, — Вася повернулся к следователю, — об-
лико морале. Ферштейн? Шпили прибыли смотреть. Любим

мы их. Ночей не спим, думаем, где бы ещё шпилей насмотреться можно? Знакомимся с культурой и традициями дружественных и не очень народов.

Алеся переводила. Кажется, даже дословно. Следовательно записывал. Методично, без эмоций.

— Сегодня ночью вы находились у статуи Манекен Пис. Это верно?

— Так он же всё на камерах видел, — Вася моргнул, — чего за зря спрашивает? Ему если заняться нечем, так ты ему скажи, что мы люди занятые. Чего он хреноманией своей занимается?

Следователь посмотрел на Алеся. Та что-то и как-то ему перевела. Потом на Васю. Вася ему уверенно кивнул и сложил лапищи свои на груди.

— Хорошо. Расскажите про инцидент со статуей.

— Это не инцидент, — Вася поднял палец, — это гуманитарная акция. Принципиальная разница.

— Объясните разницу.

— Это я с охотой. Мальчик стоит голый. Да ещё и за решёткой. Все ходят, смотрят, фотографируют. Детей водят посмотреть на пленного кроху. Это вы считаете нормой, дело ваше, я не осуждаю. Но лично я человек воспитанный. И Романыч воспитанный, — Вася кивнул на Романыча, — Романыч вон майку отдал. С себя. Между прочим, семейная реликвия. В ней его деда хоронили.

Романыч подтвердил. Не словами. Просто кивнул с досто-

инством человека, совершившего поступок.

Следователь посмотрел на Романыча. На Васю. Потом сказал что-то по-французски, коротко, явно адресуя Алесе.

— Вы верно всё переводите? — спросил следователь де-вушку, — ведь это... белиберда какая-то.

— Абсолютно верно, — ответила Алесья, — меня уведомили в последнюю минуту. Я просто не успела подготовиться.

— Они не опасны? Может, стоит их...

— Что вы, нет. Котёнка не обидят. А если их поместить в специализированное учреждение... Может получится скандал. Сами понимаете.

— Но не могу же я просто так их отпустить, — следователь помолчал секунду, — они совершили преступление.

— И должны понести законное наказание, — согласилась Алесья, — а оставшиеся дни их пребывания будут под моим непрерывным наблюдением.

— Чё мурлыкает? — спросил Вася с видом готового к бою боксёра.

— Уточняет детали, — сказала Алесья, и Васе показалось, что выглядит она уже более-менее довольной.

Следователь посмотрел ещё в свои записи. Чему-то там помотал головой и даже «цокнул» языком три раза. Васю это напрягло.

— Про мусорный бак объясните, — перевела Алесья очередной вопрос следователя, — и про рекламный щит.

— Чего тут объяснять? Тупой что ли? Для приватности, — пояснил Вася, — нет, а чего мальчонка у всех на виду дудонит? И, сука, все смотрят. Извращуги. Мы прикрыли. Из уважения к личному пространству.

Алеся переводила. Медленно. С паузами. Следовательно слушал с лицом человека, который принял решение сохранять профессиональный нейтралитет любой ценой.

— Тогу вы сами сделали?

— Сам, — Вася не без гордости, — вот этими руками. Романыч ассистировал. Я, конечно, в ателье не работал, но руки из правильного места растут.

— Вы понимаете, что Манекен Пис это охраняемый памятник культуры?

— Честно говоря, вот только теперь понимаю, — признал Вася, — Алеська, ну ты сама объяснила. Так ему и передай. Четыреста лет мальчику. И спроси, кстати, у этого бонжуара вот что... Четыреста лет он вот так стоит? Голый? И всё это время никто ничего? Четыреста лет люди ходят и смотрят, как мальчонка нужду справляет? Вы вообще нормальные?

Следовательно открыл рот. Закрыл. Что-то в вопросе было такое, что требовало секунды на осмысление. Осмысление пришло.

— У статуи есть официальный гардероб, — перевела Алеся слова покрасневшего следователя, — его одевают по праздникам. Специально.

— Аааа, ну раз по праздникам, — Вася прищурился, —

Романыч, а давай мы тоже одежду только по праздникам носить будем? А? Скидай портки. Алеська, присоединяйся. Сейчас эти лягушатники во всей красе Русь-Матушку увидят.

Алеся даже подскочила от испуга. Следователь несколько опешил, когда Романыч начал возиться с бельевой верёвкой, что ему служила ремнём, а Вася рывком скинул с себя штаны с трусами.

— Отставить, идиоты! — рыкнула она, — немедленно спрятали свои... Обрати штаны надели! Не смей позорить Родину!

Это сработало. Васе действительно как-то стыдно стало. Разгорячился он малость. Нельзя вот так — уподобляться этому прогнившему Западу. Надо было пример показать, а он... Хорошо, что Алеся здесь — спасла от окончательного позора.

— Ещё вопрос, — следователь вернулся к папке, — вы пытались развернуть постамент?

— Пытались, — честно признал Вася, — не поддался. Наверняка наши строили.

— Зачем разворачивать?

— Ну как зачем. Он же... фонтанирует. Прямо на людей. Неприлично. Мы тогу повязали, а он всё равно. Вот я и решил. Пусть к стене постоит. В уголок дудонит, так сказать.

В коридоре за стеклом уже минут пятнадцать что-то происходило. Голоса, смех, кто-то явно бился головой о мебель.

— Последний вопрос, — следователь закрыл папку, — вы сожалеете о произошедшем?

Алеся перевела. Посмотрела на Васю. С немой просьбой в глазах. На этот раз просьба была совсем простой: «Вася, скажи да. Просто да. Одно слово».

Вася думал секунды три.

— О чём конкретно? — решил уточнить он.

— О проникновении на охраняемый объект и изменении его внешнего вида.

Вася думал ещё секунды три.

— Об изменении, никак нет, — сказал он наконец, честно и твёрдо, — сделали правильно. Мальчонке так лучше. О проникновении... ну, если по закону нельзя было так делать... то да. Признаю. Надо было через официальные каналы.

Следователь встал. Вышел.

Домой они вернулись в половине третьего.

Штраф был выписан. Романычу пришлось оформить кредит на себя, чтобы выплатить этот откровенный грабёж.

Алеся всю дорогу молчала. Вася это молчание уважал. Дал ей время. До подъезда.

— Алеся, — сказал он у двери, — ты не переживай. Всё нормально вышло.

Алеся открыла дверь.

— Спать, — велела она.

— Это правильно, — согласился Вася, — агент должен

восстанавливаться.

Утром Алеся встала первой. Это было её правилом. Встать первой, успеть выпить кофе в тишине, собраться с мыслями прежде, чем Вася испортит ей настроение.

Сегодня он умудрился это сделать, даже ещё не проснувшись.

Телефон лежал на столе. Алеся взяла его привычным движением, проверить сообщения, почту, новости. Обычный утренний ритуал.

Чашка с кофе едва не выпала из рук.

Алеся сидела и читала. Потом листала. Потом снова читала. Потом отложила телефон. Взяла снова.

Фотография с камеры наблюдения была везде. Где-то даже видео. Порой даже под весёлую музыку с аккордеоном.

Бельгийские таблоиды подошли к теме с национальным чувством юмора.

«Russische toeristen kleden Manneken Pis aan» — кричал один заголовок. Рядом фото до и после.

Французская пресса была более литературной. «Deux touristes russes habillent le Manneken Pis et le cachent derrière une poubelle par souci de décence». Что в переводе означало примерно: «Двое русских туристов одели Манекен Пис и спрятали его за мусорным баком из соображений приличия».

Английские таблоиды себе не изменяли. «PUTIN'S WORST AGENTS? Russian tourists 'protect modesty' of

Belgium's most famous statue». И три тысячи комментариев под материалом, большинство из которых были смеющимися-ся эмодзи и репостами.

Немцы подошли обстоятельно. Большой материал. С историей Манекен Пис. С юридическим комментарием. И с фотографией Васи крупным планом. Момент, когда он отступил на шаг и оценивал результат своей работы. Лицо у него на фото было такое, что немецкий журналист написал в подписи: «С видом скульптора, завершившего шедевр».

Итальянцы просто смеялись. Это было понятно без перевода.

В социальных сетях новость разошлась лавиной. Кто-то рисовал мемы. Кто-то писал длинные тексты о культурных различиях. Кто-то просто репостил с подписью: «Это лучшее, что я видел за неделю».

Один бельгийский художник уже нарисовал карикатуру — Манекен Пис в тельняшке, с поднятым кулаком и надписью «Za Rodinu». Карикатура набирала лайки быстрее, чем Алеся успевала их фиксировать.

Туристическое агентство в Брюсселе уже добавило статую в раздел «must see» с подписью: «Теперь в новом образе». И смайлик.

Алеся отложила телефон. Это был... кабздец.

Глава 8

Вася проснулся героем. Он, конечно, этого ещё не знал. Но уже ощущал. Только герой мог так освободить кишечник от газов, что исподнее просто лопнуло по шву. Пришлось обмотаться пледом, чтобы Алеську не смущать.

— Доброго утрачка, — Вася прошёлся к кухонному столу, — кофе есть?

— Есть, — сказала Алеся каким-то крайне растерянным голосом, — там в машине.

Вася подошёл к этому чудо-аппарату. Посмотрел на него. Повертел в руках. Перехотел пить кофе.

— Воды попью, — сообщил он, — нечего всякую гадость вливать в себя с утра не глядя. Вода. Вот где здоровье и крепкий дух. Так, Романыч?

Романыч появился в дверях следом. Тоже взлохмаченный. Кивнул.

Алеся смотрела на них обоих. Потом взяла телефон. Открыла первую попавшуюся статью. Развернула экран к Васе.

Вася телефон принял. Посмотрел на фотографию. На заголовок. Покрутил немного. Полистал комментарии. Потом поднял взгляд на Алесю.

— У меня есть подозрение, что енто вот мы, про нас пишут, — сказал он.

— Про вас, — подтвердила Алеся.

— Тут, как мне кажется, много просмотров и комментариев.

— Многовато.

Вася посмотрел снова на телефон. Потом на Романыча. Протянул ему. Романыч взял. Посмотрел на фото. На себя на фото. На Васю на фото.

Они оба молчали секунд десять.

— Романыч, — сказал наконец Вася негромко и очень серьёзно, — мы с тобой в европейской прессе.

Романыч медленно кивнул. Это было так. Это был факт. Романыч в европейской прессе. Романыч, который сорок лет прожил в Алупке и главным событием биографии считал тот случай, когда его имя упомянули в местной газете в разделе «происшествия», после инцидента с самогонным аппаратом, пылесосом и визитом к урологу с хирургом. А теперь вот. Европейская пресса. У Романыча предательски защипало в носу. Он отвернулся к окну. Сделал вид, что изучает архитектуру Франции, пускай и в Брюсселе.

Вася между тем вернул телефон Алесе. Налил себе воды из-под крана. Сел за стол. Сделал глоток. Поставил чашку.

— Значит так, — сказал он деловым тоном, — ждём парапациев. Я с ними говорю. Ты, Алеська, переводишь.

Алеся смотрела на него.

— Вася.

— Ну.

— Ты понимаешь, что это скандал?

— Это и был мой план, — поправил Вася, — операция вышла на новый уровень. Теперь о нас знает Европа. Теперь они понимают, с кем имеют дело.

— Вася, — Алеся говорила очень терпеливо, — с тобой имеет дело вся европейская пресса. Твоё лицо везде. Тебя узнают на улице.

— Хорошо, — кивнул Вася.

— Это не хорошо.

— Алеська, — Вася посмотрел на неё с добродушной снисходительностью, — ты умная девка. Но тебя в переводчики готовили, очевидно. Это нормально. Нужны и такие агенты. Нас же с Романычем, тоже очевидно, готовили как оперативников первого эшелона. Для нас узнаваемость это ресурс. Понимаешь?

За окном раздался свист тормозов. Хлопнула дверца. Понеслись голоса.

Алеся подошла к окну. Посмотрела вниз.

У подъезда стояли трое с камерами. И ещё двое подходили со стороны улицы. Один разворачивал микрофон с логотипом бельгийского канала.

Алеся долго смотрела на это. Потом обернулась.

Вася уже приглаживал волосы ладонью и одёргивал тельняшку.

— Готов, — сообщил он, — пойду в массы. Отдамся толпе.

Вася вышел из подъезда, как выходят люди, которые го-

товились ровно к этому моменту всю жизнь. Наверное, так же выходил экипаж Аполлона-11 с павильонов Универсал или Парамант. Не торопясь. С достоинством.

Романыч вышел следом. С видом человека, который не понимает, зачем он здесь, но, раз уж вышел, идти надо гордо.

Алеся вышла последней. Не могла не выйти. А очень хотелось.

Журналистов у подъезда прибавилось. Теперь их было пятеро. Две камеры. Три микрофона. Один фотограф, который сразу начал щёлкать.

Вася остановился. Огляделся. Оценил аудиторию. Кивнул сам себе.

— Значит так, — сказал он Алеся негромко, — переводишь слово в слово. Не сокращай. Я знаю, что говорю. У меня за сочинения всегда пятёрки были по математике.

— Вася, — сказала Алеся так же негромко, — я прошу тебя. Умоляю. Скажи, что это была шутка. Туристическая. Что ты не знал. Что сожалеешь. Я тебе альбом нюдсов подарю.

Вася посмотрел на неё. Серьёзно так. Глубокомысленно. Вася просто сообразить не мог, зачем ему альбомы с мюсли?

— Я не сожалеею, — твёрдо молвил Вася.

— Вася.

— Алеська. Я. Не. Сожалеею. Мы правильно сделали. Это позиция. Принципиальная. И как сказала очаровательная мадам одна: мы тут назад не назад, а то они назад не вперёд,

а если назад не вперёд, то зачем назад идти? Понимаешь?

Алеся смотрела на него долго. Сколько позволили галдящие вокруг журналисты.

— Хорошо. Слово в слово.

Первый журналист, молодой, в очках, с диктофоном, шагнул вперёд и заговорил по-французски. Быстро и профессионально.

Алеся перевела.

— Спрашивает, вы ли те самые русские, которые одели Манекен Пис?

— Ясен перец, — подтвердил Вася, — ты чё тупой? Наши рожи по всему интернету вашему. Мы это. Я и Романыч.

Алеся перевела. Слово в слово. Журналист что-то быстро записал. Поднял взгляд.

— Почему вы это сделали?

Вася вздохнул.

— Затрахали вы с этим вопросом! Потому что надо было. Мальчик стоит голый. Четыреста лет стоит. Все ходят, смотрят, фотографируют. Нормальный человек мимо пройти не может. Я не смог. Романыч не смог. Потому что воспитание. Ты там запиши и всем передай. Я чё? Попугай? Всё время одно и то же повторять.

Журналист переспросил что-то. Алеся перевела.

— Он говорит, что это произведение искусства. Символ города.

— Я ему ща нос в затылок вомну. И тоже скажу я до хера

Микеланджело. Пусть поспорит.

Алеся перевела. Среди журналистов кто-то решил аккуратно ретироваться. Этот конкретный уронил блокнот свой и убежал.

Второй журналист, что посмелее да постарше, шагнул вперёд и спросил по-нидерландски. Его коллега тут же переключилась на французский, дублируя вопрос.

Алеся перевела.

— Вы знали, что это охраняемый памятник?

— Откуда ж? Не знал, — честно признал Вася, — но это ничего не меняет.

Алеся закрыла глаза на долю секунды. Перевела.

Журналист уточнил что-то.

— Вы сожалеете о произошедшем?

— Этот тоже одинаковое спрашивает, — начал заводиться Вася, — вы чего все с пустого в порожнее, а? Уже объяснял в участке. Позиция не поменялась.

— Но вы заплатили штраф.

— Заплатили, — Вася пожал плечами, — закон есть закон. Я человек законопослушный. Нарушил, если поймали, плати. Но платить и сожалеть это ж разные вещи. Это понимать надо.

Алеся переводила. Ровно. Профессионально. С каменным лицом. Только пальцы, которыми она держала телефон, слегка побелели.

— Вы планируете ещё какие-то акции в Брюсселе?

Вася подумал секунды две.

— Нет. Возможно. Надо подумать. Да.

Журналист быстро что-то написал. С таким выражением, с каким пишут, когда цитата хорошая.

Вопросы продолжались. Журналистов интересовало всё. Откуда они. Как давно в Брюсселе. Что думают о Бельгии. Что думают о Европе. Вася отвечал охотно и развёрнуто. Романыч стоял рядом и молчал. Это было самым ценным его вкладом.

Потом из-за спин остальных протиснулся последний журналист. Не молодой. Лет пятидесяти. Хорошо одетый. С маленьким диктофоном и без камеры. Говорил по-французски медленно и чётко.

Алеся его увидела, и что-то в её лице изменилось. Едва заметно. Она его знала. Или знала, кто он.

— Мсье Дюбуа, — сказала она.

Мсье Дюбуа кивнул Алесе вежливо. Потом посмотрел на Васю. С интересом. У Васи так кот на карася смотрел. Вася за такой взгляд кота тапком по морде бил. Этому мусью повезло, что Вася в сланцах. Эффект не тот. Тут тапок нужен.

— Спрашивает, — перевела Алеся, — если бы вы знали заранее, что это охраняемый памятник, национальный символ, предмет гордости города, вы бы всё равно это сделали?

Вася думал дольше обычного. Секунд пять с половиной. Это был рекорд вдумчивости.

— Да. Всё равно.

Мсье Дюбуа кивнул. Записал. Потом сказал что-то ещё.

— Почему? — перевела Алеся.

— Потому что правильно, — сказал Вася просто, — когда что-то правильно, надо делать. Независимо от последствий. Это называется совесть. Она либо есть, либо нет. У нас есть.

Алеся переводила. Мсье Дюбуа слушал. Потом кивнул. Сказал что-то длинное. Алеся слушала. И едва заметно ноги её подкашивались. Лицо менялось. От серого к чему-то неопределённому.

— Чего он? — спросил Вася.

Алеся помолчала секунду.

— Он, — сказала она осторожно, — продюсер вечернего новостного шоу на первом бельгийском канале. Это... серьёзный канал, Вася. Очень серьёзный.

— И?

— И он приглашает тебя сегодня вечером. В прямой эфир. В студию.

— Прямой эфир, — повторил он.

— Прямой, — подтвердила Алеся, — вечернее шоу. Политика, общество, международные новости. Миллион зрителей примерно.

— Маловато будет, — Вася покачал головой.

— Вася, — Алеся говорила очень аккуратно, — это большая аудитория. Это серьёзное шоу. Там задают сложные вопросы. Там есть ведущий, который умеет...

— Скажи ему, что согласный я, — перебил Вася.

— Вася, подожди. Там будут вопросы про Россию, про политику, про...

— Алеська, — Вася посмотрел на неё как Чак Норрис на пиньяту, — скажи. Ему. Да.

Алеся смотрела на него ещё секунду. Потом на Романыча. Романыч пожал плечами. И повернулась к мсье Дюбуа.

— Уи, — сказала она, — иль аксэпт.

Мсье Дюбуа улыбнулся. Протянул руку Васе. Вася пожал. Крепко, по-алупкински. Мсье Дюбуа побледнел, покраснел и сдавленно пискнул.

Они обменялись контактами через Алесю. Мсье Дюбуа сообщил, что машина заберёт их в семнадцать тридцать. Студия в центре. Эфир в двадцать один ноль-ноль. Алеся будет переводить — это обязательное условие Васи. Иным переводчикам он попросту не доверял.

Мсье Дюбуа ушёл. В травмпункт.

Студия «ЭРТИБЭФЭ» была именно такой, какой Вася её себе и представлял. Серьёзной. Государственной. Он всё оглядывался, чтобы выцепить взглядом Эрнста или, на худой конец, Якубовича. Но везение было не на Васиной стороне.

Потом Васю гримировали. Целых двадцать минут. Гримёрша была молчаливой профессиональной женщиной, которая явно видела всякое. Но когда она попыталась нанести Васе пудру, он перехватил её руку. И чуть в грызло не дал. Остановило лишь то, что Вася — джентльмен.

— Не надо тут ваших поползновений, мадам, — сказал

он твёрдо.

Алеся перевела. Гримёрша спросила что-то.

— Вася, она говорит, что свет в студии даёт блики, — перевела Алеся, — нужна матирующая пудра.

— Лечиться ей надо, — Вася посмотрел в зеркало, — надо материться, буду. Не проблема. Пудра-то тут причём? Вася из Алупки всякую дрянь на лицо не сыпет. И не нюхает, если что. Вася за здоровый образ жизни.

Гримёрша посмотрела на него. Потом на Алеся. Потом убрала пудру и вышла. У неё была непереносимость определённого типа клиентов. Сегодня лимит был исчерпан.

Романыч сидел в углу гримёрки и не отвечивал. Это была его стратегия на вечер — не отвечивать. Он её придерживался. Не хватало ещё, чтобы его по телевизору вражескому жена увидела. Совсем тогда со свету сживёт. А Романыч на свете этом жить уже как-то привык.

— Значит так, — Вася встал и одёрнул тельняшку, — инструктаж. Про что говорить?

— Про мальчика, — тут же оживилась Алеся, — про то, что смешная история получилась. Про Алупку. Люди любят про Алупку. Скажи, что красивый город. Что море тёплое. Мальчики все одетые. Можно приезжать и хоть каждому пузико целовать.

Вася смотрел на неё.

— Алеся, — сказал он терпеливо, — я не для того во Францию летел, чтобы про море рассказывать. У меня мис-

сия. Миллион зрителей. Ты понимаешь, что это? Это аудитория. Это момент. Это...

— Вася.

— Это исторический шанс, Алеська.

Алеся обречённо уронила голову.

— Говори, о чём хочешь, — сказала она наконец.

— Вот и договорились, — Вася удовлетворённо кивнул.

Мсье Дюбуа встретил их за кулисами. Правая рука у него была загипсована. Что-то сказал. Улыбнулся. Профессионально и тепло одновременно. Это была особая телевизионная улыбка. Вася таким не верил. После таких улыбок обычно про подорожание говорили. Васе даже захотелось стукнуть этого Дюбуа. За каждое подорожание хлеба в Алушке. За каждого пенсионера.

— Говорит, добро пожаловать. Рад, что вы согласились. Будет интересный разговор, — перевела Алеся, чем немного остудила Васю.

— И я рад, — сказал Вася, — передай. Мне есть что сказать.

Алеся перевела. Мсье Дюбуа кивнул. И опять улыбнулся. Той же самой улыбкой. Вася понял, что этот французик делает это нарочно.

Студия была большой. Светлой. С аудиторией. Как у Малышевой, но пока ещё живой. Человек сто пятьдесят. Два кресла в центре. Между ними низкий столик. На столике вода и маленький флажок.

Вася увидел флажок. Посмотрел на него. Не помнил Вася, чтобы Франция флаг меняла. Ну и хрен с ним.

Их объявили. Вася вышел под аплодисменты. Аудитория хлопала охотно. История с Манекен Пис уже разошлась, и публика пришла с настроением. Кто-то смеялся. Кто-то снимал на телефон. Один молодой человек в первом ряду держал табличку с нарисованным Манекен Пис в тельняшке.

Вася табличку увидел. Одобрительно кивнул. Правильно молодёжь понимает.

Сели. Мсье Дюбуа открыл папку. Посмотрел на Васю. Вася понял, что сейчас его начнут разделявать. Вежливо и методично – с улыбкой.

— Итак, — начал Дюбуа по-французски, и Алеся тут же начала тихо переводить в ухо Васе, — Василий. Вы стали знамениты на всю Европу за одну ночь. Как вы себя чувствуете?

— Вася я, — спокойно сказал Вася, — Василий, так моего деда звали. А я просто Вася. Я вообще человек спокойный. Меня не так просто выбить из колеи.

Аудитория засмеялась. Мсье Дюбуа улыбнулся.

— Расскажите о себе. Вы из Крыма?

— Из Алупки я, — Вася кивнул, — можете записать.

Мсье Дюбуа записывать не стал.

— Почему вы приехали в Брюссель?

— Я не приехал, — сказал Вася, — я прилетел. На самолёте.

— И всё же?

— Чё всё же?

— Почему?

Вася обернулся к зрителям.

— А чё он у вас так тупо спрашивает? Я вот ни хрена не понимаю.

Зал взорвался смехом. Васе это не понравилось. Мсье Дюбуа подождал секунду.

— Хорошо. Давайте поговорим о вчерашнем инциденте. Как вам пришла идея одеть Манекен Пис?

— Это не идея, — поправил Вася, — это позиция. А вы с этим вопросом затрахали уже. Неправильно на голых мальчиков смотреть. Везде неправильно. В России неправильно. Во Франции неправильно. В Алушке за такое и писюн оторвать могут. Потому что есть такая вещь — называется мораль. Слышали?

Алеся переводила. Аудитория слушала. Со смесью веселья и любопытства.

— Мораль. Это интересная тема, — мсье Дюбуа кивнул, — вы считаете, что в Европе с моралью есть проблемы?

Вася посмотрел на него. Потом на аудиторию. Потом обратно на ведущего.

— Ты ж ща на правду нарвёшься.

— Отлично! — мсье Дюбуа улыбнулся.

Зря.

— Да, — сказал Вася, — есть проблемы. Большие пробле-

мы. Я вот смотрю на Европу и думаю... ну как так? Красиво же всё. Чисто. Дороги хорошие. Дома красивые. Не зря мы вас освобождали в сорок пятом. Но что-то не так. Гнильцой воняет.

— Что именно сгнило, на ваш взгляд?

— Да всё, — Вася развёл руками, — вот смотрите. Сегодня. Иду по улице. Что я вижу? Мужики на велосипедах в обтягивающих штанах. Это нормально? Чё ты киваешь, дятел?! Нет. Это ненормально. Так нельзя. Велосипедом твоим тебя же и забьют у нас. А тут — пожалуйста. Едь. Свободный человек. В обтягивающих штанах. Это же симптом, понимаете? Симп-том.

Мсье Дюбуа кивнул. Будучи опытным ведущим, он понимал, что разговор уходит куда-то не туда. Но ещё не понимал куда именно.

— Давайте поговорим о России. Как вы оцениваете отношения между Россией и Европой на сегодняшний день?

— Плохо оцениваю, — сказал Вася, — плохо. Потому что Европа себя ведёт неправильно. Санкции эти ваши. Кому они мешают? Нам? Не мешают. Мы живём. Нормально живём. У нас есть всё. Картошка есть. Хлеб есть. Водка с медведями само собой. Вы ж так нас представляете.

— Но экономические данные свидетельствуют...

— В сраку тебе все эти данные, — Вася махнул рукой, — данные... не позорься, Депардье. Я сам из народа. Я знаю, как народ живёт. Иль ты лучше знаешь? Тут во Франции своей...

Мсье Дюбуа открыл рот.

— Не знаешь, — ответил за него Вася, — а я знаю. Потому что я и есть народ. Вот я сижу перед вами. Смотрите на народ. Крепкий? Да. Здоровый? Да. В тельняшке? Да. Вот вам и все данные.

Аудитория засмеялась. Кто-то зааплодировал. Мсье Дюбуа сделал паузу. Профессиональную, с улыбкой. Нужно было срочно перестраиваться, пока всё окончательно не вышло из-под контроля.

— Вы сказали, что приехали в Брюссель по важному делу. Не могли бы вы...

— Мог бы, — перебил Вася, — я вообще всемогущий. Но сначала я вот что хочу сказать...

— Пожалуйста.

Вася повернулся к аудитории. Прямо. Открыто. Даже тельняшку в шорты заправил.

— Люди, — сказал он, — вот вы сидите. Смотрите. Слушаете. Вы... нормальные люди. Я вижу. Вы не виноваты, что вас сюда занесло. Мы не выбираем, где родиться. Кого-то занесло, кто-то сам приехал. Но вы тут живёте. И вы видите, что происходит. Видите же?

Аудитория молчала. С интересом.

— Видите, — кивнул Вася, — вижу, что видите. Так вот. Я вас спрошу прямо. По-человечески. До коле?

Пауза.

— До коле вы это всё терпеть собираетесь? Вот этот вот

весь распад? Это разложение духовное? Мальчик голый стоит. Это только начало. Это верхушка айсберга. А под водой — там такое, что и говорить страшно. Того и гляди девочка писающая появится. Или собака какая.

Мсье Дюбуа попытался вставить слово.

— Если позволите...

— Тебе слово ещё дадут, Монпансье, — Вася поднял руку, — а я ещё не закончил. Вот вы говорите — свобода. Хорошее слово. Правильное слово. Я за свободу. Но свобода — это не значит «всё можно». Свобода это значит — живи правильно. Как тебе скажут. Работай. Семью имей. Родину люби. И не перепутай. Понятно объясняю?

Часть аудитории кивала. Другая часть переглядывалась. Третья снимала на телефон.

— Не пора ли сказать стоп?! — Вася повысил голос, — стоп этой машине разврата и духовного разложения? Нет, вы мне ответьте. Нет, серьёзно. Я спрашиваю.

Мсье Дюбуа снова попытался.

— Василий, это очень интересная точка зрения, но я хотел бы вернуться к теме...

— Я и говорю про тему, — Вася вошёл в раж, — тема. Это жизнь. Как вы живёте? Как мы живём? Почему мы живём правильно, а вы — нет? Это большая тема. Это важная тема. Это...

— Если можно, всё-таки...

— Если не перестанешь меня перебивать, я тебя багетом

насмерть забуду, — Вася снова повернулся к аудитории, — я вот что хочу ещё сказать. Про единство. Мы люди. В первую очередь. Вы про это забыли. Вы смотрите в паспорта эти. На карты. Границы. А мы... Люди мы.

Он обвёл взглядом аудиторию.

— Вот ты, с тупой причёской, — Вася ткнул пальцем в случайного зрителя в первом ряду, — как звать?

Зритель растерялся. Что-то сказал по-французски. Алёся перевела в ухо Васе.

— Говорит, он Луи из Льежа.

— Льеж... это где? — Вася нахмурился.

— Валлония. Франкоязычная часть.

— А. Так и думал, — Вася кивнул, — а вот ты?

Он ткнул пальцем в другого зрителя, молодого, через три ряда.

Тот ответил.

— Артур из Гента, — перевела Алёся, — Фландрия.

Вася посмотрел на первого. Потом на второго.

— Вот вы разные, а братья. Да-да-да. Не смотрите на меня так. И я вам тоже брат. Романыч брат. Алёська как сестра. Понимаете? Веками нас стравливали друг с другом. Веками. Никто из нас не виноват в той ненависти, что есть между нами. Но виновные есть. И мы с них спросим.

В аудитории что-то изменилось. Едва заметно. Как меняется давление перед грозой.

Мсье Дюбуа это почувствовал. Профессионально. Всем

телом.

— Василий, я думаю, нам стоит вернуться...

— Ты хочешь, Ришелье, ты и возвращайся, — Вася шагнул к зрителям, — вот вы двое. Из Льежа и Гента. Вы меж собой как? Нормально?

В студии стало тише.

Зритель из Льежа и зритель из Гента посмотрели друг на друга. И Вася всё понял. Такие вещи сразу понимаются.

— Вот! Вот оно! Видите?!

Мсье Дюбуа сделал знак режиссёру. Режиссёр сделал знак операторам. Операторы продолжали снимать. Потому что это было хорошее телевидение, и они это понимали, даже если режиссёр не понимал.

— Чего про нас говорить, когда вы столько лет живёте рядом и не можете договориться! — Вася уже обращался ко всей аудитории, — это же трагедия! Это же беда! Фламандцы ли вы или валлонцы... Не всё ли равно? Вы же братья! Вы же на одной земле! Мы братья! Дай я каждого из вас...

И Вася продемонстрировал последний аргумент. Когда уже слов не хватает, а эмоции переполняют — тут выбора два. Первый — бить в табло. Но для этого эмоции должны быть негативными. Тут же идеально подходил метод второй — брежневский. И Вася смачно так поцеловал сначала фламандца, потом валлонца. Несмотря на все их возражения и попытки бежать.

После Вася помолчал секунду.

— Потому что мы все едины. Всегда были такими. И такими умрём. Свободными. Нас не изменить. Мы такие — какие мы есть!

Тишина возникла так резко, что икнувший Романыч заставил вздрогнуть добрую половину зала.

Потом тишина лопнула.

Часть аудитории даже встала, чтобы рукоплескать этому смелому русскому. Все орало и скандировало «Вася Пис». Некоторые уже мечтали воспитывать с ним детей.

Мсье Дюбуа сидел. Смотрел на Васю. В глазах у него читалось что-то сложное: смесь профессионального ужаса, личного изумления и какого-то нездорового любопытства, что же будет дальше.

Потом он медленно сполз с кресла и исчез под столом. Буквально.

— Чего это он? — спросил Вася у Алеси.

Алесья не ответила. Алесья тоже смотрела на аудиторию. На что-то необратимое.

Вася оглядел всё это хозяйство и принял решение. Он залез на стол. Встал во весь рост. Тельняшка расправилась. Плечи расправились.

— Люди! — начал Вася, — слушайте меня! Я вам говорю главное! Свобода — это хорошо! Единство — это хорошо! Братство — это хорошо! Вместе! Никакой розни! Никакой вражды! Вместе и точка!

Аудитория ревела. Кто радостно, кто по какой причине —

Вася не вполне понимал.

— И ещё раз говорю. Как ни с кем до этого. Да я с родителями даже так серьёзно не говорил. Считайте, что сегодня — мой час признаний!

Аудитория взревела ещё громче. Кто-то закричал что-то по-фламандски. Кто-то по-французски. Кто-то по-английски. Прозвучал даже какой-то выкрик на русском, но Вася его не разобрал.

Алеся стояла у края сцены. Смотрела на Васю на столе. На транслирующую надпись в прямом эфире. Надпись гласила: «Э ожурдиои, сэ монёр дэ завё».

Алеся тоже начала икать. Куда чаще Романыча. И куда громче. А как иначе? Когда ещё русский Вася в тельняшке на многомиллионную аудиторию, ещё и в прямом эфире, в своей... нетрадиционности признавался?

Благо, что Вася этого не понял. Пока ещё не понял.

Глава 9

Бумагу принесли в половине одиннадцатого утра. Да ещё как принесли. Как и положено было. А положено было основательно. На машине. С флажком на капоте. Два человека в костюмах, один в форме. Позвонили в домофон вежливо, поднялись без спешки, постучали так — с почтением. Сразу было видно, что Вася теперь здесь птица полёта высокого.

Открывала Алеся. Она хоть и была агентом с большим опытом, но Вася собою являл агента талантливого. Такого, какой прытью взлетает по карьерной лестнице. Это у него с детства такая особенность была. Уж коли взялся за дело какое — берегись.

Двое в костюмах, один в форме поглядели на Васю, который стоял за её спиной в тельняшке и с бутербродом. Алеся им была неинтересна, несмотря на все вырезы её халатика.

«Содомиты», — отметил про себя Вася.

— Господин Вася? — спросил человек в костюме по-французски, и Алеся перевела, хотя и не проявляла подobaющего энтузиазма.

— Он самый, — Вася откусил от бутерброда, — чего надо?

Человек в костюме открыл папку. Извлёк документ. Протянул. Вася бутерброд переложил в левую руку, документ взял правой. Посмотрел. Повертел.

— Алеська, — сказал он, — переведи чего тут.

Алеся взяла бумагу. Прочитала. Прочитала ещё раз. Подняла взгляд на человека в костюме. Тот едва заметно кивнул. Что-то коротко сказал. Алеся снова посмотрела на бумагу.

— Вася, — произнесла она голосом человека, у которого заканчиваются слова, — тебе выдают вид на жительство.

— Кто? — уточнил Вася.

— Бельгия.

Вася дожеввал бутерброд.

— А на кой оно мне?

— Твою мать, — выругалась Алеся, спохватившись, — ну та Бельгия, которая для тебя Франция.

— Чего? — Вася нахмурился.

— Здешние, Вася, здешние тебе ВНЖ выдали, — Алеся даже бесцеремонно ткнула пальцем в троицу гостей.

— По какому основанию?

Алеся так странно смотрела на Васю, что тому крайне неудобно стало. Таким взглядом на него его бывшая, Ирка, смотрела. Когда Вася аквариум с её рыбками любимыми абсолютно случайно, ввиду сильнейшей интоксикации организма этиловым спиртом, перепутал с уборной комнатой. Так звучала официальная версия. На деле же Вася ничего не путал. Просто решил, мол, какая разница? Там и так мокро, воды полно, ещё чуток жидкости никто и не приметит. Приметили. Рыбок Ирка купила новых. Вася Ирку больше не видал.

— По основанию... — Алеся взяла небольшую паузу, чтобы не сесть за покушение на убийство, — исключительного вклада в культурную жизнь страны.

Вася молча чавкал, даже не пытаясь прикрыть рот.

Романыч, который сидел в углу и делал вид, что читает газету, осторожно опустил её и посмотрел на Васю. Недолго. Газета была интереснее. Тем более, что Романычу уже минуты две как начало казаться, что он стал понимать французский язык.

Вася молчал редко и, как правило, по особым случаям. Или, когда жевал. Этот случай сочетал в себе сразу две причины его молчания.

— Ну, ладушки, — изрёк он из себя наконец.

У Алеси начала подёргиваться голова. Тот этап, когда Васины выходки вызывали лишь лицевой тик, безвозвратно пройден. За несколько дней абсолютно абсурдный Вася добился того, чего она добивалась годами в эмиграции. Ей пришлось пройти девять кругов бюрократического ада, чтобы получить убежище, после её демарша на Родине. А тут... Вася нарушил закон, попрал все бельгийские традиции, плюнул в лицо властям — и получил вид на жительство.

Вася некоторое время помолчал. Ему нравилось так делать последнее время. Особенно ему нравилось молчать около зеркала. В такие мгновения Вася смотрел на себя и дивился тому, как же он умно выглядит с закрытым ртом. Потом Вася расправил плечи. Тельняшка расправилась вместе

с ними.

— Передай, — молвил Вася, обращаясь к Алесе, — что Вася из Алупки тронут. Не, серьёзно. Не дуркую. От самого нутра. От сих до сих.

Вася продемонстрировал примерную площадь своего тела, где его тронуло предложение бельгийцев.

— Но ты также им передай, — продолжил тронутый Вася, — что Вася из Алупки своей страны не предаст. Но погостить, так и быть, останется. Раз люди просят.

Человек в костюме дослушал перевод. Кивнул. Пожал Васе руку с видом человека, выполнившего сложное поручение. Все трое ушли.

Дверь закрылась.

— Ну, — сказал агент особого назначения, — вот и легализовались.

— Тебя одного легализовали, — уточнила Алесья.

— Романыч у меня в делегации, — Вася отмахнулся, — разберёмся.

Романыч дипломатично промолчал. В нём боролись две составляющие. Абсолютная любовь к Родине, к берёзкам, к... Романыч запнулся, не сумев вспомнить, по чему ещё обязан скучать непримиримый патриот. И тут в дело вступила вторая составляющая. Та, которая прекрасно видела, что и здесь берёзки растут. Та, какой уж очень сильно нравились вафли на вкус. Та, которая до безобразия не хотела домой и не хотела объяснять жене, почему её мужа нет уже столько

дней и почему в интернете его рожа есть, а денег в общей записке — нет.

— Вместе, — многозначительно проговорила Алеся, усаживаясь на диван, — они впервые за несколько лет что-то подписали вместе. И этим чем-то оказался... Вася, бл@дь.

Вася не любил, когда его имя ставили так неприлично близко с бранными словами. Однако весь вид Алеси говорил о том, что ей сейчас не особо интересно знать о Васиных предпочтениях.

К полудню у подъезда стояли уже не трое. Их собралось человек двадцать. Разных. Это Вася отметил моментально, когда выглянул в окно.

— Романыч, — позвал он тихо, — началось.

Романыч подошёл. Тоже посмотрел.

Внизу стояли люди. Молодые и не очень. С плакатами: самодельными, написанными от руки на картоне и на обратной стороне рекламных листовок. На плакатах было разное. Всё непонятное гению Васи. Но один плакат Вася заметил особо, что был написан по-русски. Кривовато, но старательно. «ВАСЯ НАШ». И единорог нарисован в уголке. Вася бы предпочёл пегаса, если уж и сравнивать Васю с мифическими животными, но и единорог сойдёт.

Многие из собравшихся были одеты ярко. Весёлые. Явно праздничного настроения. Один из таких цветастых держал плакат с нарисованным Манекен Пис в тельняшке, с поднятым кулаком.

— Алеська, — позвал Вася, не отрываясь от окна.

Алеся подошла. Посмотрела. Ничего не сказала, но зубами скрипнула.

— Моя армия, — подытожил Вася, — пока лишь взвод. Но там и до роты доберёмся.

— Это, — Алеся говорила медленно, взвешивая каждое слово, — это люди, которым надоело.

— Чего надоело?

— Всё. Политики надоели. Разделения надоели. Скандалы надоели. И тут ты.

— Их взводный, — согласился Вася.

— Ты для них, — Алеся старалась не обращать внимание на реплики самого Васи, — человек, который говорит прямо. Которому всё равно на приличия. Который не боится. Понимаешь?

Вася понимал. Он вообще редко боялся каких-либо вещей. Потому что не понимал, чего тут бояться. В этом была разница между ним и теми, кто боялся. Те понимали последствия. Вася с последствиями разбирался по факту.

Вася вышел из подъезда походкой будущего президента всех сирых и убогих.

Люди это сразу почувствовали. Те, кто с плакатами, подтянулись. Те, кто с флагами цветастыми, оживились. Кто-то уже вовсю снимал происходящее на камеру мобильного телефона.

Вася с важным видом остановился на крыльце. Оглядел

всё это хозяйство.

— Значит так, — начал он, и Алеся, вставшая у него за спиной и сто раз пожалевшая, что решилась нажать на двух русских, начала переводить, — я обычный мужик. Из Алупки. Горжусь. Я не политик, но телевизор смотрю, а потому в ней разбираюсь. Не активист никакой, но тоже сидел. Я человек, у которого есть глаза и есть совесть. И совесть эта не позволяет мне проходить мимо проблем.

Люди в толпе одобрительно кивали. Кто-то даже скромно аплодировал.

— Настало время, — сказал Вася после паузы, — слушайте все. Вы хотите за мной идти. Это правильно. Идите. Но я куда попало ж не пойду. Я туда пойду, куда надо. А надо туда, где все эти гады сидят и делают вид, что им не плевать на нас. А им плевать. Вот токма сегодня всё изменится! Мы не молчим! Мы станем требовать! Требовать быть услышанными!!!

Романыч за его спиной закивал так, что многолетний гайморит прошёл. Толпа ревела, вторя словам Васи. Некоторые пробовали повторять лозунги на русском.

Один из плакатов развернули горизонтально и понесли над толпой. Алеся скосила взгляд.

— Чего пишут? — деловито поинтересовался новоиспечённый вождь.

— Не хочу политиков. Хочу Васю, — с какой-то лукавой улыбкой произнесла та.

Но Васе было не до улыбок Алеси. Вася смотрел на людей перед собой. На их лица.

— Ну, — негромко сказал Вася Романычу, — самое время Главного спасать, Романыч. Надеюсь, что мы не опоздали.

Романыч сглотнул. Медленно обвёл взглядом толпу. Потом посмотрел на Васю. Кивнул.

По замыслу Лидера Граждан Борцов с Тиранией, как его ловко окрестила Алеся, толпа шла к зданию Европарламента. Но шла под руководством Васи, а картой Вася брезговал. После того конфуза с картой в первый день Вася для себя решил твёрдо: карты это для туристов. Агент ориентируется на местности по наитию, по чутью. И почти сразу Вася вышел куда надо. Почти.

— Это центральная почта, — Алеся была слишком умиротворённой и как-то блаженно улыбалась.

Вася посмотрел на здание. Здание было красивое. Почта такой быть не должна.

И он повёл толпу обратно. Толпа охотно развернулась. Слаженно. Без вопросов. Они верили, что их вождь знает, что делает. Вася же знал, что что-то делает. Этого Васе хватало.

Романыч шёл чуть позади Васи. Он нёс розовый блокнот с котиком. На всякий случай. Мало ли что потребуется зафиксировать.

Здание Европарламента они нашли с третьей попытки. Вернее, нашёл его Вася. Решил, что нашёл его. Алеся и

остальные были уверены, что сие творение архитектурного искусства — «Ле сэз». Именно тут располагался офис главы правительства.

Закоренелая атеистка Алеся самым искренним образом начала молиться, чтобы премьер-министр находился в отъезде.

Территория перед зданием заполнялась. Вася этого ожидал, но не в таких масштабах. Пока они шли, а шли они путано, к ним прибивались люди. Сначала те, кому совсем нечего было делать. Потом те, кому делать было чего, но лень. Потом люди, что узнавали Васю. Откуда-то даже появились велосипедисты в шортах. Вася на них покосился с неодобрением, но промолчал.

Вася остановился. Обернулся. Удивлённо крикнул.

За ним стояло человек триста. Может, больше. Плакаты. Флаги. Телефоны, поднятые вверх. Несколько профессиональных камер, которые откуда-то нарисовались сами по себе.

Алеся стала активнее молиться. Даже вспомнила слова. Хотя никогда их в глаза не видела.

— Вот это да, — сказал Вася негромко и по-человечески удивлённо.

— Вася, — Алеся говорила тихо и очень ровно, что по опыту последних дней означало крайнюю степень внутренней бури, — я тебя прошу. Пойдём домой. Что хочешь сделаю, Вася. Тебе такого больше никогда не предложат.

— Деда спасать надо, Алеська, — Вася сказал это просто, как говорят очевидное.

— Какого, сука, деда?

— Как какого? Нашего. Главного. Я же тебе говорил. Улики. Шоколад. Чек. Дата рождения.

Алеся начала нервно хихикать.

— Вася, — произнесла она с интонацией санитарки психдиспансера.

— Ну?

— А как тебя вообще за границу выпустили?

— С нескрываемой гордостью, Алеська, — Вася кивнул с удовлетворением этой своей мысли, — потому что никто, кроме нас с Романычем, никогда бы этот заговор не обнаружил. Понимаешь?

— Них%яшеньки... — замотала головой Алеся.

Вася на секунду задумался.

— Это потому, Алеська, что Запад успел тебя малость отупить. Но... ничего... домой вернёмся, мы тебя мигом в норму приведём!

Алеся открыла рот. Закрыла. Продолжила читать молитвы. С утроенным старанием.

Вася вышел вперёд. Встал лицом к зданию. Потом развернулся к толпе. Потом снова к зданию. Немного подумал, как всё же правильно. Решил, что правильно будет лицом к зданию. Туда же обращаться будет.

— Эй! — крикнул Вася.

Площадь притихла.

— Эй, там! — Вася повторил с той интонацией, с которой стучат в дверь, когда знают, что дома все есть, но не открывают, — выходи! Разговор есть! Бить не буду!

Вася подумал маленько и добавил:

— Наверное...

Ничего не произошло. Здание «Ле Сэз» стояло непоколебимым. Алеся постепенно начала убеждаться, что Бог есть, и он действительно милостив.

— Не слышат, — заключил Вася, — Романыч, готовься. Это, конечно, не Зимний... но брать его придётся во имя спасения Главного.

Романыч с готовностью кивнул и даже руки сложил на груди.

— Значит так, — Вася обернулся к толпе, и Алеся обречённо продолжила переводить, — люди. Тут такое дело. Они решили нас не замечать. Но мы не прыщ! Нас не выдавить! И мы не исчезнем со временем!

Толпа слушала. Толпа молчала и слушала с таким вниманием, с каким слушают человека, которого не до конца понимают, но которому почему-то верят.

— А если мы и прыщ...!!! — Вася повысил голос и поднял кулак, — то прыщ на жопе!!! На нас придётся обратить внимание!!!

Пауза.

А потом — будто пробку вышибло. Толпа подхватила.

— Мы прыщ на вашей жопе! — загремело по-французски, — Он э эн бу тон сюр тон кю.

— Вай зейн эн пёйст оп йе рейт, — по-нидерландски.

— Уи ар э зит он ё асс, — нашёлся и чей-то английский.

Вася смотрел на всё это с видом человека, которому наконец воздали должное. Он поднял оба кулака. Толпа взревела.

И тут Алеся окончательно разочаровалась в Боге. Одна из боковых дверей открылась. Вышли несколько человек. Впереди шёл мужчина. Невысокий. В хорошем костюме.

— Вот он, Алеська, — тихо сказал Вася, — Главгад Европы.

Алеся изо всех сил пыталась исчезнуть, но у неё не получалось.

К ним приближался премьер-министр Бельгии. Ван Камп — а это был именно он, Ян Ван Камп, действующий премьер-министр Бельгии, человек, привыкший к разным ситуациям, но, судя по лицу, не совсем к этой, — подошёл к Васе и что-то произнёс. Спокойно. Но Вася один хрен не понял ни словечка. Он покрутил головой в поисках Алеси, но его напарница куда-то исчезла.

Ван Камп оказался человеком подготовленным. Так как сразу же сопровождающий его мужичонка с пузом затарахтел на русском. И почти без акцента.

— Господин Ван Камп рад познакомиться. Следил за событиями. Готов выслушать.

— Ну, кому господин, а кому дядя чужой, — Вася кивнул

и протянул руку.

Ван Камп руку пожал. Без особого энтузиазма, но пожал.

— Значит так, — начал Вася, — переводи дословно. Чтобы не возникло потом скандала какого. Усёк?

Мужичонка с пузом нерешительно кивнул. Вася продолжил.

— У меня к тебе один вопрос, Вим Биль Дам. Прямой. Я кривых вопросов не задаю. Вы чего к Деду пристали?

Мужичонка с пузом не сразу, несколько заикаясь, но перевёл. Ван Камп слушал. Потом что-то уточнил.

— Господин Ван Камп интересуется, — мужичонка сделал заметную паузу, — какого дедушку вы имеете в виду?

— Ты тут дурака из себя не строй, — переходил в атаку Вася, — знаешь ты, какого Деда. Главного, конечно. А ты чего думал? Что твои делишки наружу не вылезут? Что мы в мусоре твоём копать не станем?

Мужичонка перевёл. Васе показалось, что этот горе-переводчик едва не плакал. Но Ван Камп выслушал. Посмотрел на Васю. Потом на толпу за его спиной. Потом снова на Васю. Что-то произошло в выражении его лица. Вася это сразу заметил. Что-то сложилось, встало на место, и это что-то совпало с чем-то совершенно не тем.

— Господин Ван Камп уверяет вас, что... к Деду никто не приставал.

— Хорош мне в уши заворачивать! — Вася даже руками всплеснул, — мы уже в курсе всего. Я шоколадку видел. Че-

го ты удумал, а? Живёт себе Дед и живёт. Чего ты лезешь? Дворцам его завидуешь? На его место захотел? Оставь Деда.

Чем дальше мужичонка переводил, тем сильнее бледнел. Ван Камп бледнел следом и ещё активнее.

— Господин Ван Камп говорит, — мужичонка едва стоял на трясущихся ногах, — что никак нельзя отставить Деда. Конституция. Закон.

— Ну чего ты начинаешь? — Васе сначала показалось, что ему не показалось, но потом он услышал слово «конституация», а для истинного патриота сие являло собою красный флаг, — тебя вообще это касаться не должно. Живёшь ты во Франции и живи. А мы тут сами разберёмся.

Ван Камп едва не упал на месте. До него теперь стало доходить, кто именно стоит перед ним. Раз уж смогли найти так хорошо сокрытый домик, оформленный на такого дальнего родственника, что колен не сосчитать.

Какие же длинные у этих русских руки, раз могут дотянуться до таких заветных уголков. Одного только не понимал премьер-министр, с чего русские решили, что сам Ван Камп хочет сместить короля Филиппа? Сама мысль об этом была абсурдна.

Но Вася продолжал. Васю было не остановить.

— Люди! — он уже вещал на толпу, — человеки! Вот откуда растут ноги всех наших проблем. Вместо того чтобы заниматься тем, что на самом деле важно, они днями и ночами думают о дедушке и его дворце!

Прибывшие вместе с журналистами переводчики тут же донесли смысл Васиных слов не только до толпы, но и до миллионов телезрителей у экранов.

— Разве может правительство заботиться о народе...?! — зывал к толпе Вася, — когда все их старания и огромная часть бюджета направлены на одного только деда? Пускай и Главного Деда. Но сегодня мы говорим: «Хватит!».

Толпа в благоговейном ужасе ожидала следующих слов. И Вася их произнёс.

— Отстаньте!!!

Журналисты несколько посовещались с местными знатоками русского и донесли правильный, по их мнению, смысл:

— В отставку!!!

Глава 10

Телевизор в квартире работал с семи утра. Работал исправно. Не мигал и не шипел. Вася даже не сразу понял, за что конкретно нужно телевизор наградить ударом ладони. Не противиться же привычке.

Шарахнул.

За что конкретно, Вася решил придумать после. Нечего с утра пораньше голову глупостями всякими забивать.

Отдельной гордостью Васи в это утро было то, что включил телевизор Вася самолично. Алеська ещё отсутствовала — спала. И молодец. Она, хоть и агент, но всё же существо женского пола. Их в школе оберегать велят.

Эфир что-то мурлыкал на французском уже третий час. Вася внимательно следил за происходящим на экране. Бутерброд в левой руке. Чай в правой. Лицо торжественное.

Вася переключал каналы редко. Незачем было – везде одно. Картинка менялась, суть оставалась. Площади. Люди. Плакаты. Снова площади. Снова люди. Плакаты уже другие, но смысл, наверняка, тот же.

А какими лица были. Загляденье. Лица были решительные.

Вася это ценил. Нерешительные лица его всегда немного расстраивали. Нерешительное лицо, оно какое, это лицо человека, который ещё не определился. А неопределившийся-

ся человек, считай, потерянный человек. Таких Вася видел много. В Алушке таких было не сосчитать. Ходят, думают, чешут затылок. А за них уже давно всё подумали и почесали. Сиди и радуйся.

— Романыч, — позвал Вася негромко, не отрываясь от экрана.

Романыч появился из-за угла с кружкой. Встал рядом. Посмотрел на телевизор.

На экране в эту минуту показывали площадь. Большую, заполненную, с транспарантами до горизонта. Камера наехала на один плакат крупным планом. Вася не прочитал, но Романыч, а Романыч за последние дни неожиданно для себя самого обнаружил, что французские буквы складываются в слова, если долго смотреть, Романыч прочитал. Но сообщать не решился. Просто кивнул Васе, мол, всё идёт по плану.

— Теперь ещё и отставки требуют, — присвистнул Вася, — видать, так сильно они нашего Главного любят, что гнать ссаными тряпками его врагов готовы. Хороший народ. Правильный. Наш.

Вася с гордостью за бельгийский народ смачно откусил от бутерброда.

— Лица, — с набитым ртом произнёс Вася, — когда отставки требуют, лица вот такие. Я такие лица знаю. Я когда на стройке бригадиром был... Помнишь, когда вы меня из бетона доставали? Вот. Вот с такими лицами мои рабочие притопали. Вот точно такими.

Романыч посмотрел на лица в телевизоре. А ведь и правда — лица были серьёзные. Романыч невольно вспомнил девяносто третий год. Но так и не смог понять, а зачем он его, вообще-то, вспоминает. Романыч давно для себя вывел одну простую истину — сейчас и вспоминать надо с осторожностью. Упаси тебя товарищ майор вспомнить что-то как-то не так.

На экране появился человек в галстук. И не просто какой попало человек. А сам Ян Ван Камп. Говорил долго, с выражением, с паузами в нужных местах. Как Людмила Павловна учила в пятом классе. Учила Васю. Не Ван Кампа. И Вася невольно задумался о школах во Франции. Бельгия в страхе замерла. Но ей удалось облегчённо выдохнуть, так как долго задумываться Вася не умел.

— О, а вот и наша Алеська, — радостно подскочил на месте Вася, заметив девушку.

Алеся вышла из спальни одетая, как и вчера. Посмотрела на экран. Но не долгим взглядом, а быстро так. Почти брезгливо. После чего подошла к окну.

— Вы же как саранча, — вслух что-то неопределённое произнесла она, — как болезнь. Всё уничтожаете, до чего только руки дотянутся.

— Ничего, Алеська, — сделал свой вывод Вася, — мы эту болезнь вылечим.

Алеся одарила Васю самым загадочным взглядом в истории взглядов, посланных в сторону Васи. Вася тут же счёл

это знаком непременно отличным.

— Чего этот Ван Дам говорит? — поинтересовался он у Алеси.

— Говорит, что недвижимость за границей приобретена законно, — перевела она, — на личные средства. Что он всё объяснит. Что это не то, что кажется.

— Эх ты! Вот это хитёр-бобёр, — всплеснул руками Вася, — у него ещё и хата за рубежом припрятана. Вскрылось-таки, значит.

— Ага, — Алеся вновь ощутила подёргивание в шее, — случайно так... вскрылось.

— Случайности, моя боевая подруга, не случайны, — Вася отправил в рот последний кусок бутерброда и, выплёвывая крошки как пулемёт Шпагина, спросил, — а чего он вообще оправдывается? Ну есть у него домик и чего? У наших вон по десять штук в каждой стране Евросоюза найдётся. Что с того?

Вася как считал — патриот, он на то и патриот, чтобы плавно скупать территорию врага. И чем сильнее в человеке патриотизм, тем дороже особняки на всяких там Комах. Это ж насколько надо быть верным своему Отечеству, чтобы детей своих родных шпионами в университеты противника засылать? Всё готовы истинные патриоты отдать за Отчизну свою.

Алеся посмотрела на него. Промолчала.

На экране журналисты атаковали Ван Кампа вопросами.

Ван Камп держался профессионально, с достоинством. Но руки выдавали. Руки раз за разом тянулись к стакану с водой. Или протирали льющийся потоком пот со лба.

— Квадратных метров-то сколько? — поинтересовался Вася.

Алеся прислушалась.

— Не говорят точно. Журналисты пишут, что это вилла. Под Ниццей.

Вася присвистнул. Не осуждающе. Скорее оценивающе.

— Италия, значит, — покивал он одобрительно выбору премьер-министра, — там тепло. Я понимаю человека. Да и красиво там. Вот только быков они зазря убивают на этих своих корридах.

— Вася, — Алесе начало казаться, что у неё немеет левая сторона всей Алеся, — он же премьер-министр.

— И чего?

— Ну это же... — она снова замолчала, долго пыталась подобрать правильные слова про закон, конституцию, коррупцию, но потом взглянула в лицо Васи и передумала.

И они просто переключили канал.

Здесь уже показывали другое. Долой трибуны и площади. Добро пожаловать в студию. Двое за столом, оба говорят одновременно, оба не слушают друг друга, оба правы по-своему. Вася такой формат уважал. Вольфыча, конечно, не хватало, но всё равно получалось живо, по-настоящему. Внизу экрана бежала строка.

— Чего умного пишут? — Вася кивнул на строку.

Алеся читала. Медленнее, чем обычно. И становилась бледнее обычного. И, кажется, даже в росте уменьшилась. Сантиметров так на пять.

— Фламандские депутаты требуют досрочных выборов, — сказала она, — валлонские... тоже.

— Вместе требуют?

— Отдельно. Но одного и того же.

Вася кивнул с видом знатока.

— Это как у нас с Романычем, — заключил он, — мы всегда хотим того, чего хочу я.

Вася хотел ещё провести параллель с обществом и президентом, но она, параллель эта, перпендикуляром встала в горле.

К тому же Алеся смотрела в телефон. Уже несколько минут она то и дело включала экран и что-то там пальцами тыкала. Вася краем глаза это заметил. Он же профессионал.

На четвёртом канале шла аналитическая программа. Человек с умным лицом и указкой стоял перед картой. Карта была разделена на части. Вася про себя отметил, что это знак недобрый. Видать, этот умник решил на кого-то нападать и уже делить территории начал, крысёныш.

— Алеся, ты прости, — позвал Вася, — но чего умный говорит?

Алеся оторвалась от телефона. Посмотрела на экран. Послушала.

— Говорит, — начала она, — что страна на пороге конституционного кризиса.

— Какая?

— Бел... Франция, Вася, Франция. Говорит, что давление на правительство с обеих сторон достигло исторического максимума. Что такого единства требований не наблюдалось... да никогда, собственно, не наблюдалось.

— Никогда? — переспросил Вася.

— Никогда.

Вася помолчал секунду. Отхлебнул чай. Поставил кружку.

— Ну, — сказал он просто и без особого пафоса, — первый раз всегда никогда. Потом никогда становится редко. Редко — периодически. А там и привыкают.

Он даже сам был удивлён всей глубине возникшей мысли. И ведь она не просто возникла и пропала где-то в вакууме черепной коробки — нет. Вася её сумел правильно изречь... изрекнуть... изрыгнул её Вася, короче. И весьма удачно.

— Романыч, — сказал он негромко.

Романыч немедленно сделал медленный шаг вперёд.

— Ты вот как думаешь, — Вася указал на экран, где показывали митинги и протесты, — это хорошо или плохо?

Романыч долго смотрел в телевизор. На площади. На лица. На плакаты. На человека с указкой, который всё тыкал и тыкал в карту разделённой страны.

Потом посмотрел на Васю.

Пожал плечами.

Но как-то так пожал — что было понятно: хорошо.

Но всё хорошее всегда должно быть разбавлено ложечкой чего-нибудь отвратительного. А что может быть отвратительней гостиницы? Правильно, гостиница свой родной.

В дверь позвонили. Алеся обречённо зашагала к двери. Открыла.

За дверью стоял один человек. В обычном пальто, в обычных ботинках. Ничего примечательного. «Подозрительный тип», — отметил про себя Вася. Такую непримечательность не наденешь случайно. Такую носят специально.

Человек что-то сказал. Негромко. По-русски. Вася от неожиданности даже не понял ни слова. Алеся посмотрела на человека в пальто. Повернула голову через плечо и зыркнула на Васю.

— Тебя, — сказала она.

Вася не спеша встал с дивана. Спешить было некуда. Вася — фигура важная и видная. Такую фигуру и подождать можно. Одёрнул тельняшку. Заправил края в трусы. Подошёл к двери.

— Кто таков? Чьих будешь? — спросил Вася и громко шмыгнул носом.

— Посол, — сказал человек коротко, — приглашает. Сегодня. Сейчас, если можно.

Вася помолчал секунду. Потом расправил плечи.

— Я, конечно, приму к сведению...

— Здесь, безусловно, Европа, — перебил человек в пальто, — но посол наш. Российский. Или ты, дерьма кусок, прямо сейчас натягиваешь портки на свою убогую жопу. Или по прилёту домой твою жопу будут ждать большие приключения. И гости. По самое небалуйся.

— Вот! — даже выкрикнул Вася, — ну вот же она — дипломатия. Чего ж ты, брат, сразу не сказал? Ну, раз просят — уже бегу.

Человек кивнул. Ушёл. Вася закрыл дверь. Обернулся к Алесе и Романычу. Многозначительно воздел палец вверх и кивнул какой-то одному ему понятной мысли.

Алесе, отчего-то, даже немного жалко стало этого наивного секретного агента.

— Вася, — произнесла она, — это может быть не то, что ты думаешь.

— Алеська, — Вася уже шёл за ботинками, — это всегда то, что я думаю. Просто не все сразу соглашаются быть тем, что я думаю.

— Вася, — девушка сделала робкий шаг к нему, — ты просто знай, что тебя тут... хер вот знает почему... любят. И ты можешь остаться здесь.

Вася даже замер прямо в процессе натягивания шорт.

— Зачем мне здесь оставаться? Чёта я не понял.

— Забудь, — Алеська махнула рукой, — это я так... на всякий.

Всякое Вася не особо любил. Зато родное российское ценит и почитал. Российское же посольство в Брюсселе стояло основательно, без извинений, с флагом, который в безветренную погоду не развевался, а висел. Но висел с достоинством.

— Серьёзное здание, — сказал Вася у ворот, — наши строили?

— Бельгийцы строили, — ответила Алеся.

— Видно, что со вкусом, — Вася кивнул, — старались. Наши бы лучше сделали, но и так неплохо.

Охрана их ждала. Человек в пальто передал кому надо, те передали дальше — машина бюрократии работала, и Вася это чувствовал и одобрял. Порядок есть порядок. Без порядка будет хаос. Хаос Вася не любил. Сейчас, по крайней мере. Любовь Васи, как и его ценности, имели свойство меняться по мере необходимости.

К послу Васю пригласили одного, а, стало быть, поддержка в лице Алеси и Романыча оставалась за бортом.

— Подождёте, — сказал он, — дело важное. Тайное. Тут секретность такого уровня, что я лучше вам потом всё расскажу.

— Вася, — начала Алеся.

— Алеська, — Вася уже шагнул внутрь, — не переживай. Я умею разговаривать с людьми.

— Это как раз и самое страшное, — проводила она его взглядом.

Кабинет был кабинетом серьёзного государственного учреждения за рубежом. Вася именно таким себе его и представлял. Чистый, прохладный, с флагом в углу и портретом на стене. Вася на портрет посмотрел сразу. Перекрестился. Сначала в одну сторону, потом в обратную. На всякий случай. Чтобы не ошибиться.

Посол сидел за столом.

Звали его Игорь Валентинович. Это Вася узнал потом, а пока просто видел человека. Лет шестидесяти. Плотный. Волосы седые, аккуратные. Костюм хороший. Не парадный, конечно, без аксельбантов, а такой — рабочий, но хороший. Лицо... не сказать, что умное — таких обычно не берут — но лицо точно было дипломатическое.

На столе перед послом стоял стакан. Не рюмка. Стакан, граммов на двести. В стакане была жидкость бледно-жёлтого цвета. Рядом со стаканом лежали телефон, планшет, три газеты и пепельница. Посол не курил уже восемь лет, но пепельница стояла. На всякий случай. Последние два дня этот случай всё настойчивее просился обратно.

Вася кивнул.

— Здравия желаю, — сказал он громко и чётко.

— Присаживайтесь.

Голос был ровный. Хорошо выдержанный голос. Таких голосов Вася всегда боялся. И не стыдился страх свой этот признавать. Сейчас, естественно. Потом он наотрез откажется. А пока — было немного страшно.

Вася сел. Огляделся ещё раз. Взгляд его остановился на телевизоре в углу. Телевизор работал без звука. На экране шли новости. Родные такие. Где всё хорошо и прекрасно. А вокруг сплошные враги.

И вот на экране появилось лицо. Знакомое. Такое любимое. Вася посмотрел. Посмотрел ещё раз. Привстал немного, чтобы лучше видеть. Живой. Живой, говорит что-то, жестикулирует уверенно.

Вася медленно опустился обратно на стул. Выдохнул. Тихо.

Посол наблюдал за этим с выражением человека, который не понимает, что именно сейчас произошло, но чувствует, что что-то произошло.

— Живой, — сказал Вася негромко и сам себе, — успели.

— Что? — переспросил посол.

— Всё хорошо, говорю, — расплылся в улыбке Вася.

Посол посмотрел на телевизор. Вернул взгляд на Васю. Потом взял стакан и отпил.

— Василий, — начал посол.

— Можно просто Вася, — предложил Вася, — Василий, это был мой...

— Завали ебало, Вася, — весьма дипломатично попросил посол, — вы понимаете, почему вы здесь?

— Понимаю, — Вася кивнул, — доложить. Отчитаться по результатам. Я мог бы и письменно. Но записи могут перехватить. Это не порядок. А я за порядок.

Посол смотрел на него. Отпил ещё из стакана. Уже не помогало.

— Отчитаться, — не то спросил, не то повторил он.

— Ну да. Миссия выполнена фактически. Дед жив. Я вижу сам, — Вася снова кивнул на телевизор, — заговор раскрыт. Враг повержен. Я — молодец.

Тишина в кабинете была особенная. О такой тишине пишут поэты. Такую тишину длинными абзацами описывают писатели. Тишина перед бурей. За мгновение до тотального... всеобъемлющего... пи#&еца.

Посол взял стакан. Поставил. Взял снова. Поставил снова. Рука затряслась так, что содержимое просто стало выплёскиваться через край.

— Вася, — произнёс он, — я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. Я говорю медленно. Специально. Для особо одарённых.

— Я слушаю, — Вася приготовился.

— Вы, — посол начал взвешивать каждое слово с точностью фармацевта, — за четыре, сука, дня. Устроили международный скандал. Дестабилизировали политическую обстановку в стране пребывания. Вывели на улицы несколько тысяч человек. Спровоцировали конституционный кризис. Поставили под угрозу отношения между нашей страной и Евросоюзом. И, что я хочу отметить отдельно, сделали это в тельняшке, шортах и сланцах на носки.

Вася слушал. Кивал.

— Всё так, — подтвердил он, — пока не вижу расхождений. Только я почти ничего не понял, что вы там сказали. Но про одежду понял. Всё так.

Стакан в руках посла лопнул осколками.

— Вася, — сказал он голосом, как будто чем-то недовольным, — вы должны немедленно прекратить. Всё. Никаких митингов. Никаких заявлений. Никаких контактов с прессой. Тихо собраться и тихо уехать домой. Это не просьба. Это настоятельная рекомендация людей, которые очень хотят, чтобы вы её услышали.

— Это... как бы тебе попроще, — начал разгоняться Вася, — я тя услышал. Правда. Я человек понятливый, меня не надо по два раза. Меня и по одному разу лучше не стоит. Но вот ты говоришь — уезжай. И я уеду, говно вопрос. Но не так я себе представлял этот момент, если честно. Я что тут? Просто так оказался? Случайно? Я здесь работал. Служил, если изволишь. И задачу свою выполнил.

Посол смотрел на него, не моргая. Он даже, грешным делом, подумывал начать слизывать со стола разлитую валерьянку.

— Это, — произнёс посол очень тихо, — самое страшное из всего, что вы сегодня сказали.

Вася не понял почему. Но переспрашивать не стал.

— Я по-другому скажу, — продолжил Вася примирительно, — миссия, считайте, закрыта. Я не рвусь никуда. Я тихий человек, мне лишнего не надо. Но вот Романыча с Алеской

вы медалями наградить просто обязаны. Вот. Могу идти?

За многолетнюю дипломатическую карьеру Игорь Валентинович разговаривал с министрами, с диктаторами, с нобелевскими лауреатами и один раз с человеком, который искренне считал себя реинкарнацией Карла Великого. Но в самых жутких кошмарах, Игорь Валентинович был в том убеждён, сниться ему будет именно разговор с Васей.

— Свободен, — сказал посол.

— Вот и договорились, — Вася встал, одёрнул тельняшку, — я так и думал, что мы поймём друг друга.

Посол мокнул пару раз язык в лужицу валерьянки на столе. Не помогло. Тогда он потянулся к ящику стола. Достал пачку сигарет. Старую, мятую, которую бросил туда восемь лет назад.

Закурил.

На улице было прохладно и тихо. Вася вышел с гордо поднятой головой. Романыч стоял там, где Вася его оставил. Романыч был товарищем крайней степени дрессировки. Алеська стояла чуть в стороне.

Вася перемены заметил сразу. Плечи опущенные. Голова чуть вниз. Всё тело немного содрогается.

Вася подошёл.

— Алеська.

Она не обернулась сразу. Секунду или две не оборачивалась. Потом повернулась. Посмотрела на него.

Вася за эти дни научился читать Алесино лицо. Всё же,

она была его боевой подругой. И сейчас на её лице было что-то, чего он раньше не видел. Не раздражение. Раздражение он знал. Не усталость. Что-то другое.

— Чего стряслось? — спросил Вася тихо.

Она протянула телефон. Там был открыт какой-то текстовый документ. Ни язык, ни шрифт не были родными, а потому Вася читать не стал.

— Что пишут?

— ВНЖ, — сказала она, — не продлевают.

Вася смотрел на неё.

— Это что-то важное? ВНЖ эта?

Алеся взяла телефон обратно. Убрала в карман. Посмотрела куда-то мимо Васи.

— Это очень важно, Вася, — голос Алеся точно указывал на её злость, — для меня важнее сейчас и быть не может. Теперь меня обратно выпнут. Понимаешь?

— Кажется, — сказал Вася, но не понимал, — обратно... это домой что ли?

— Да!!! — взревела она белугой.

Вася помолчал. Попытался сообразить. Не получилось.

— Так это ж хорошо, Лесь, — пришёл к выводу он, — чего тебе здесь гнить? Дома-то и трава зеленее.

— Какая трава, убогий?! — Алеся начала так агрессивно наступать на Васю, что Вася опять испугался, что было нехорошей тенденцией, — какая, в жопу, трава? Меня посадят! Сразу! Прямо в аэропорту!

Вася опять начал попытки соображать. Попытки были тщетны.

— За что? — недоумевал он, — ты же наша... тайный агент... связной... ная.

— Очнись ты уже! — она даже стукнула его своим кулачком в грудь, отчего кулачок заболел, — я за неё была. Ты флаг видел?! Усатый мудака меня...

Алеся словно запнулась и замолчала. Как-то иначе посмотрела на Васю. Вася это сразу отметил.

— Меня скомпрометировали, Вася, — уже почти нежно проговорила Алеся, — мне нужна твоя помощь. Не только мне. Но России.

Вася как-то запутался в последних событиях, а путаться он очень не любил. Потому просто, по-мужицки так, сказал:

— Не бойсь, разберёмся.

Глава 11

В этот раз Вася был настроен решительно. Шутка ли? Российский человек был скомплементирован. И не просто человек – женщина. Да не абы там какая – Алеська. Точного значения слова «скомплементирован» Вася пока не понимал, однако нутром всем чуял, что тут речь шла про грязные инсинуации в сторону куда как привлекательной Алеси. А приставать к русской женщине право имел исключительно такой же русский мужчина.

— Я пойду напрямиком к этому, — Вася уже десять минут ходил по комнате с заправленной в трусы тельняшкой и тряс бутербродом, — чего он там себе? Ничего! Он что? Ничто!

Алеся уже и не старалась понимать грозного Воина Всея Руси, но ей всё ещё было интересно, как далеко Васина фантастическая инфантильность сможет его довести? По новостным каналам его рожа мелькала от рассвета до рассвета. Некоторые особо эпатажные ведущие не скупились в своих выражениях, называя Васю «лекарством от импотенции властей».

Романыч смотрел в окно. С видом человека, который давно выработал внутреннюю политику невмешательства и намерен её придерживаться.

— Значит так, — Вася надел ботинки, одёрнул тельняшку, заметил, что в трусах, — это я хорошо посмотрел. Мог

конфуз получиться. Романыч, неси мои шорты. Иду. К Оби Вану этому. Объясню ситуацию. Сначала мирно попрошу за тебя. Он услышит.

— С чего такая уверенность? — спросила Алеся, в глубине души ощущая не просто интерес, но и некое восхищение этим откровенным уникамом.

— Потому что я ему страну спас, — Вася сказал это просто, без пафоса, — признаю. В планы это не входило. Цель была спасение Главного, а это попутно выполнилось. Как побочный квест. Считай, Оби Ван у меня в долгу.

Алеся смотрела на него. Вася пока на неё не смотрел. Вася был занят процессом надевания шорт не снимая ботинок.

— Я с тобой, — внезапно для самой себя сказала она.

— Не надо, — как-то необычно строго скомандовал агент Кремля и выпрямился так резко, что затылком погнул крючки для одежды, что никому никогда не мешали многие десятилетия.

— Вася.

— Алеся, — Вася посмотрел на неё серьёзно, ненадолго отвернулся и разогнул крючки обратно, почесал ушибленный затылок, продолжил, — это мужской разговор. Чрезвычайной важности. Мне ж ещё надо будет сделать так, чтобы у него подозрения не вылезли.

— Что? — Алеся даже моргнула, словно пытаясь перезапустить сознание, — что сделали?

— Чтобы НЕ сделали, — решительно поправил её Вася,

— чтобы не вылезли подозрения.

— Откуда, Вась? Куда они ему заползли?

— Куда бы там ни заползли — я им вылезти не дам!

— А подозрения — Алеся некоторое время размышляла, стоит ли задавать вопрос или нет, но любопытство одержало верх, — подозрения в чём, Вась?

Вася глянул на подругу как на совсем уж глупенькую девочку.

— Что ты нашенская. Что на Кремль работаешь.

— Точно, — она даже по лбу себя ладонью шлёпнула, — дура. Прости. Не соображаю.

— Оно и понятно, — Вася с сочувствием кивнул, — но я проблему решу. И решу сам. Всё ясно?

Алеся долго смотрела на него. Неужели она сейчас свою судьбу вверяет россиянину? Она?! Алеся коротко бросила взгляд на флаг. Ещё раз прокрутила в голове — кто и как её сейчас спасать собирался. И внутренне одобрила своё решение. А что? Иных желающих не нарисовалось. А тут хоть какой-то шанс есть.

— Хорошо, — сказала она наконец голосом человека, который принял реальность такой, какой уж она образовалась.

— Романыч, — позвал Вася, и более слов не потребовалось.

Романыч был готов. Хотя себе сам Романыч нехотя признавался, что для одной вещи он, кажется, готовился из рук вон плохо. К возвращению на Родину. Ясное дело,

что нет ничего милее собственного гаража с промасленным креслом. Но уж больно вкусными оказались эти их вафли.

Парк они нашли сразу. Это было приятно, и Вася непременно это отметил. Потому что здорово, когда начало пути складывается правильно. Начало оно же задаёт тон. С началом шутить никак нельзя. Хорошее начало — хороший конец. Народная мудрость, проверенная Васей лично, и ничего, что была она изобретена лично им же буквально мгновение назад.

А парк был большой. Зелёный. Ухоженный. За каждым кустом стоит человек с ножницами, и этот человек не торопится. Вася такие парки уважал. В Алушке парк был попроще — там за кустами стоял обыкновенно один Семёныч и в руках не ножницы держал.

— Неплохо, — сказал Вася осторожно, чтобы не дай Господь случайно тут чего не похвалить.

Романыч кивнул.

— Умеют, — добавил Вася справедливости ради, — не отнять. А отнять хотелось бы. Что б как у нас. Как у людей чтобы.

Они шли по аллее. Вася с картой. Карта была развёрнута полностью — во всю ширину, так что Романычу приходилось идти чуть сбоку, чтобы не задевать. Вася сверялся с картой часто и серьёзно, с видом человека, который знает, что делает. То, что карта при каждой сверке оказывалась повернута в новую сторону — это было рабочим моментом, и

Вася его не афишировал.

— Прямо, — говорил Вася.

Шли прямо.

— Теперь левее.

Шли левее.

— Стоп.

Останавливались.

Вася смотрел в карту. Потом вокруг. Потом снова в карту. Что-то в окружающей действительности не совпадало с картой, но Вася был готов к тому, что действительность иногда отстаёт от его представлений о ней.

За деревьями что-то показалось. Вася присмотрелся. Здание. Правда, оно не то чтобы откровенно уж показывалось. Оно себе просто стояло и даже не представляло, какое чудо сейчас его ботинками топтать будет. Потому как, если б знало, немедля бы провалилось под землю.

А здание было большое. Очень большое. С колоннами. Вася про себя сразу отметил, что колонны не такие, как везде, а другие, более убедительные. Но главным указателем того, что Вася прибыл в пункт назначения, стал флаг. Неправильный какой-то. У Васи даже закралось подозрение что он всё-таки не во Франции. Но он эти глупости от себя мигом отогнал.

— Романыч, — сказал он, — оно.

Вася видел цель и не видел преград. Несмотря на то, что у ворот стояла охрана. Двое. В форме — красивой, церемони-

альной, с такими деталями, которые в боевых условиях абсолютно бесполезны, но выглядят внушительно. Вася форму оценил.

— Здорово, служивые, — сказал он им по-русски.

Охрана смотрела на него. На тельняшку. На шорты. На ботинки. На Романыча. Молчала.

— Мы к этому — Вася запнулся, пытаюсь вспомнить, как же зовут премьер-министра, но не смог, — по делу мы. Важному.

Охрана продолжала молчать. Профессионально так, без напряжения. Даже с невозмутимостью, которую тренируют специально для таких случаев.

Но тут рация заговорила. Кто-то что-то у охраны узнавал. Вася это точно по интонациям определить мог. Один из охранников что-то негромко сказал в рацию. Посмотрел на Васю. Вася в долгу не остался. Они смотрели друг на друга с взаимным спокойствием двух людей, у каждого из которых есть своя логика и ни один не собирается от неё отступить.

Рация что-то ответила. Охранник послушал. Переспросил. Снова послушал. Посмотрел на Васю с новым выражением. Выражение это Васе понравилось. В нём промелькнуло восхищение. По крайней мере, Вася в том был уверен.

— Вот из ю нэйм? — спросил он по-английски.

— Вася, — сказал агент Кремля с гордостью за то, что сразу же понял вопрос, — из Алупки я.

Охранник снова что-то сказал в рацию. Подождал. Кив-

нул.

— Вэйт, — сказал он.

Вася «вэйтать» умел. Иначе, что ж он был бы за агент, когда б не умел «вэйтать» себе в удовольствие?

Ворота открылись. Не полностью — так, на человека. Охранник кивнул Васе.

— Онли ю.

Вася обернулся на Романыча.

— Не бойсь, жди тут, — сказал он, — и фиксируй обстановку.

Романыч кивнул. И с грустью провожал Васю взглядом. Ему очень уж хотелось посмотреть на Дворец Короля изнутри. Ну и понаблюдать, дойдёт ли до Васи, что он во Дворец пришёл, а не к премьер-министру.

Внутри было так, как Вася примерно и представлял. Только больше. И по-другому всё. Потолки. Коридоры. Лестницы. Вазы на постаментах. Вазы, к слову, были такого размера, что в каждую влезло бы по Романычу, а то и по полтора. Картины на стенах — серьёзные, тёмные, с людьми в старинной одежде, которые смотрели с холста с видом людей, привыкших, что на них смотрят.

Вася шёл за сопровождающим и смотрел по сторонам без подобострастия, но с оценивающим интересом хозяйственного человека, который прикидывает масштаб.

— Дорого содержать, наверное, — сказал Вася сопровождающему.

Сопровождающий не ответил.

— Я к тому, — продолжил Вася, — что отопление одно влетит в копейку. У меня знакомый в Алушке дом построил. Не такой, конечно, поменьше. Так он за зиму на газе разорился. А тут... Тут, я думаю, не газ. Тут, я думаю, своя котельная. Я бы точно котельную свою поставил.

Сопровождающий шёл быстро и молча.

— Своя котельная это правильно, — одобрил Вася, — независимость. Это я уважаю.

Остановились у двери. Сопровождающий постучал. Открыл. Посторонился.

Вася не сразу понял, что можно входить, но вошёл-таки.

Комната была не такой большой, как коридоры. Оно и понятно. Рабочая, с книгами, с письменным столом, с окном в сад. Нормальная комната. Почти человеческая. Если не считать потолка — потолок был высокий, и с лепниной, и это Васе на что-то намекало, но он намёков не любил.

За столом сидел мужчина.

Вася как-то сразу понял, что это не премьер-министр.

— А где главный? — сурово поинтересовался он.

Мужчина за столом смотрел на него. Спокойно. И даже с интересом.

Тут внезапно из-за спины раздался голос. Вася аж подпрыгнул и высказался крайне нелестно по отношению к матерям обоих присутствующих мужчин, а потом в красках описал некоторые действия особого характера, какие он на-

мерен произвести с каждым из них поочерёдно.

— Простите, не хотел вас пугать, — проговорил тот, что прятался за спиной, — я стану переводить. Король Филипп не владеет русским языком.

— Колокольчик себе на — Вася осёкся и икнул, — Филипп чего?

— Король бельгийцев Филипп, — пояснил переводчик.

— Ну не ху я чё вообще пришёл-то, — взял себя в руки тайный агент, — разговор есть!

Человек за спиной поспешил переводить. Филипп внимательно слушал и сделал жест рукой, какой Вася расценил как приглашение сесть.

Вася сел. Внимательно стал разглядывать Короля бельгийцев. И сдавалось Васе, что подшучивают над ним. Ну какой в жопу король? Вася даже усмехнулся своей мысли. Это ж надо было так поверить в нелепицу. Король. Ага! Конечно. Император Галактический.

— Слушай, — сказал Вася наконец, — хорош гнать!

— Вы о чём? — растерялся переводчик, — как мне это перевести?

— Ну чё вы гоните? Какой ещё король? Кто этот хрен с горы?

— Ну король.

— В смысле? Прямо вот совсем король? Настоящий, что ли?

— Настоящий, — как-то неуверенно произнёс перевод-

чик, словно сам себя убеждал.

Вася помолчал. Покачал головой.

— На кой хрен король в двадцать первом веке, — произнёс он тихо, почти себе, — это же несерьёзно.

Переводчик всё же набрался смелости донести сказанное до монарших ушей. Филипп смотрел на Васю с таким удивлением, какого он никогда в жизни своей не испытывал. И в уголке глаз Филиппа — совсем чуть-чуть, почти незаметно — что-то мелькнуло. Не обида. Что-то другое.

— Возможно, — сказал король ровно.

— Нет, — Вася поднял руки в знак примирения, — я не обидеть. Я по-честному. Ты мужик нормальный, я вижу. Куда приятнее этого сука как вашего премьера зовут?

— Мсье Ван Камп, — поспешил пояснить переводчик.

— Ван Камп, точно, — обрадовался Вася и повернулся к Филиппу, — ты куда приятнее Ван Кампыча, вот! Но вот объясни мне — зачем? Серьёзно. Вот зачем ты нужен? Король, в смысле. Сам себя послушай. Король! Ну это ж ну понимаешь, да?

Возникла какая-то крайне неловкая пауза. Филипп не отрывал глаз от своего гостя. Он несколько раз уточнил у переводчика, уверен ли тот в правильности перевода, на что не менее растерянный работник отчаянно закивал головой.

— Это, — сказал король Бельгии медленно, — очень хороший вопрос.

— Я знаю, — кивнул Вася, — я плохих не задаю.

Филипп встал из-за стола. Подошёл к окну. Постоял. Посмотрел в сад. Сад был такой же, как дворец — большой, ухоженный. Он обещал всем своим видом, что здесь не может произойти ничего неожиданного.

Сад врал.

— Вы спрашиваете, зачем я нужен, — сказал Филипп, не оборачиваясь, — я представляю страну. Подписываю законы, принятые парламентом. Открываю выставки. Принимаю послов. Езжу с визитами.

— Чего делает? — переспросил Вася переводчика, через которого и шла беседа.

— Ездит с визитами, — пояснил тот.

— Ездит! — Вася хлопнул себя по лбу, — так так и говори, мол, езду с визитами. А то ежу, ежу — ни хера не понятно.

Филипп обернулся. Посмотрел на Васю. И снова в уголке глаз мелькнуло то самое, которое Вася пока не мог разгадать.

— Для чего вы прибыли? — поинтересовался Филипп.

— Помочь, — Вася шмыгнул носом, — и помог. Вон, страна ваша даже лучше стала. Немножко. По краям.

— По краям, — повторил король.

— Ну, — тут Вася немного смутился, — фасады эти ваши с болонками. Они же у тебя как кошка с собакой живут. Я правильно понимаю ситуацию?

— Кто, простите? — переводчик едва не плакал.

— Ну два народа ваших.

Переводчик кивнул, помассировал пальцами виски и до-нёс сказанное до Филиппа.

— В целом вы правы, — осторожно согласился Филипп.

— Вот. А сейчас, гляди, вместе на улицу вышли. Вместе. Одного требуют. Это же прогресс.

— А вы понимаете смысл их требований? — тихо осведомился король.

— Ясен красен, — Вася вновь шмыгнул носом, — справедливости хотят. Ты пойми, Филька, это ж не я сделал. Я просто рядом оказался. Это они сами. Потому что устали. Понимаешь? Люди устают от того, что их делают. Всегда устают. Рано или поздно. И тогда им нужен какой-нибудь повод, чтобы вспомнить, что они одно. Любой повод. Хоть бы и я.

Филипп проследовал мерным шагом до высоченного книжного шкафа. Что-то там пальцами по корешкам поводил и повернулся к гостю.

— Вы понимаете, — произнёс он медленно, — что описываете вещи, о которых я думаю много лет?

— А чего тут понимать? Это ж логично. Ты же король. Должен думать.

— Должен, — Филипп вернулся к столу и сел, — но думать и делать это разные вещи. Я не могу приказать фламандцам любить валлонцев. Я не могу законом запретить языковой конфликт. Конституция...

— А! Это я понял, можешь не переводить, — Вася не только замахал руками на переводчика, но и перебил коро-

ля, — конституция. Чуть где говном завоняет — будь уверен, кто-то обязательно заговорит про конституцию. Книжка сраная. У нас вон её даже власти не читают. Тебе проще надо быть.

— Каким образом?

— Выйди, растудить твою, — просто сказал Вася.

— Куда выйти?

— К людям, — Вася посмотрел на него, как на Васю смотрели девяносто девять процентов населения Земли, — вот прямо выйди. Без охраны, без протокола, без галстука этого. Просто выйди и поговори. По-человечески. Ты вообще, когда последний раз с обычным человеком говорил? Не на приёме, не на открытии чего-нибудь. Просто так?

Филипп не ответил сразу. Это само по себе было ответом.

— Давно, — сказал он наконец.

— Вот, — Вася кивнул, — а они думают, что ты там сидишь и тебе всё равно. Что ты декорация. Пипец какая дорогая декорация. Тебя ж тут содержать надо. Ты, поди, за свет и газ не платишь, а? И кушаешь не «дошираки». А платит кто? Вот! И ежели ты алмазами не гадишь, то выглядит всё это несправедливо. Вот я о чём.

— Я понимаю, кажется, — сказал Филипп, — продолжайте.

— Ну и всё, собственно, — Вася развёл руками, — ты им покажи, что не кукла ты. Что видишь. Что понимаешь. Люди — они же не требуют невозможного. Они как дети. Им

хочется, чтобы их видели. Вот и всё. Вся политика в этом. Я не политик, но это я точно знаю. Меня вон тоже увидели твои, и сразу всё, пошли за мной. А я им ничего особенного не сказал. Я просто не притворялся.

Филипп смотрел на Васю с таким изумлением, что, сам того не замечая, стал побаиваться своего гостя.

— Вася, — сказал Филипп, и это было первый раз, когда он назвал его по имени, — вы понимаете, что вы сейчас сказали мне то, чего ни один советник, ни один министр, ни один политик не говорил мне за эти годы?

— А это нормально. Они боятся, — Вася пожал плечами, — должность потерять боятся. Расположение своё потерять боятся. А мне терять нечего. Я из Алупки приехал. Меня и так уже выслать хотят.

— Выслать? — Филипп чуть приподнял бровь.

— Ну, — Вася отмахнулся, — это отдельная история. Рабочий момент.

И тут Филипп сделал то, чего Вася никак не ожидал. Он засмеялся. Не вежливо, как смеются на официальных приёмах, когда кто-то сказал что-то умеренно остроумное. По-настоящему засмеялся.

Вася смотрел на него. Немного растерянно. Потому как не понял, что именно смешного сказал. Но смех был хороший, это Вася чувствовал. Хороший смех не обидный.

— Рабочий момент, — повторил Филипп и качнул головой, — хорошо.

— Ну а чего? — Вася немного приободрился, — жизнь вообще из рабочих моментов состоит. Остальное — выходные.

— А вы, — сказал король, — неожиданный человек.

— Это все говорят, — Вася кивнул без ложной скромности, — это потому что я настоящий.

— Скажите, — произнёс Филипп после недолгого молчания, — вы пришли сюда случайно. Я понял это не сразу, но потом это стало очевидным. Вы шли к премьер-министру.

— Ну да, — подтвердил Вася, — карта подвела.

— Но раз уж вы здесь, — Филипп посмотрел на него прямо, — есть ли что-то, с чем я могу вам помочь? Всё же я не декорация тут.

Вася улыбнулся во всю ширь.

— Есть. Есть одно дело. Не моё. Но не чужое. Важное.

— Слушаю.

Вася немного помолчал. Собрался. Потому что про не своё, но не чужое надо говорить аккуратнее, чем про своё. Про своё можно как придётся — своё не обидится. А чужое — чужое надо беречь.

— Есть у меня человек, — начал он, — девчонка. Алесья её зовут. Она хорошая. Это я тебе говорю. Я людей чувствую. Она сложная. Это да. Но она хорошая. Понимаешь разницу?

— Понимаю, — сказал Филипп тихо.

— Она сама к вам пришла. Чтоб жить тут. Она имеет право. Всё правильно сделала, всё по закону. Все бумажки эти.

А ей отказали. Почему — я не знаю. Я в этих делах не разбираюсь — у вас тут бюрократия как джунгли, без проводника не пройдёшь. Но факт. Отказали. И теперь её выпнуть хотят обратно.

Филипп слушал. Не перебивал. Не уточнял.

— Я не прошу чего-то особенного, — заключал Вася, — я прошу по-человечески разобраться. Она заслуживает здесь быть. Это я тебе говорю. А я за слова свои отвечаю.

Филипп взял со стола небольшой блокнот — не розовый с котиком, строгий, кожаный — и записал всё, что Вася ему надиктовал про Алеську.

— Я не обещаю немедленного решения, — сказал король, — я не подписываю законы единолично. Но я могу сделать так, чтобы её дело рассмотрели внимательно. И правильно. Это в моих силах.

— Большого и не надо, — Вася кивнул с удовлетворением, — главное, чтоб внимательно. Остальное само сложится. Она девка умная, если внимательно посмотрят, то увидят.

А Филипп продолжал сидеть и с уже нескрываемым восхищением смотреть на своего куда как странного гостя.

— Вася, — сказал он, — вы пришли к королю просить не за себя.

— Ну да, — Вася не понял, в чём суть, он вообще к королям всяким и не собирался.

— Это редкость.

— Да нормально это, — Вася пожал плечами, — она по-

могала мне. Я помогаю ей. Это называется по-человечески. Ничего особенного.

Филипп кивнул. Медленно.

— Слышь, а можно ещё спрошу? — Вася кивнул переводчику, чтоб тот не тормозил.

— Спрашивайте.

— Ты вот сам-то не устал?

Филипп посмотрел на него.

— От чего?

— Ну вот от всего этого, — Вася обвёл рукой не конкретно комнату, а всё, весь дворец, всю эту жизнь с протоколом, и выставками, и приёмами послов, — каждый день одно и то же. Красиво, спору нет. Но... не тесно?

Повисла долгая пауза. Такая долгая, что Вася уже подумал, не обидел ли.

— Иногда, — сказал Филипп наконец.

— Ну вот, — сказал Вася, — и я об этом.

Он встал. Одёрнул тельняшку. Одёрнул шорты. Протянул руку.

Филипп встал тоже. Пожал руку — крепко, без церемоний. Как жмут руку человеку, а не гостю.

— Спасибо, — сказал Филипп.

— За что? — искренне удивился Вася.

— За разговор.

Вася некоторое время смотрел на него. Потом кивнул коротко, серьёзно.

— Ты давай выйди к ним, — сказал он у двери, — без шуток. Просто выйди. Вот увидишь.

Дверь закрылась.

На улице Романыч ждал там, где оставили. Даже с места не сдвинулся.

— Нормально, — отрапортовал Вася, — поговорили.

Романыч кивнул.

Они пошли обратно через парк. Вася шёл без карты. Дорогу к дому всегда найти можно.

А Брюссель всё ещё стоял вокруг. Почти тот же. Но немного другой. Иначе быть и не могло. Брюссель смог пережить Васю. Но пережевать не смог. А Вася Вася просто шёл.

Алеся нетерпеливо ждала у подъезда. Почти бросилась к ним, стоило ей только приметить вдалеке тельняшку.

— Ну? — ещё издали крикнула она.

— Нормально, — сказал Вася, подойдя, — сходил. Поговорил. Попросил за тебя.

— Тебя пустили к Ван Кампу?

Вася немного помолчал.

— Не совсем. Но я пришёл к человечку важному, так или иначе.

— Вася, — Алеся дикой кошкой зыркнула на него, — к кому конкретно?

— К королю, — спокойно ответил Вася.

Алеся рот открыла. Но рот определённо открытым быть не собирался и закрылся вновь. Девушка только почувство-

вала, как ноги отчего-то тоже перестали слушаться. Алеся села прямо на бетон. И стала нервно хихикать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.